
ПРИЛОЖЕНИЕ (новые источники по «Философии права»)

к ПРЕДИСЛОВИЮ

Гомайер (1818), с. 232: Философия права не удовлетворяется ни абстракцией, ни исторической точкой зрения, если она не соответствует *идее*. Философии ведомо, что царство правового может возникнуть лишь в ходе прогрессирующего развития, ни одна ступень которого пропущена быть не может. А правовое состояние основывается только на общем духе народа... Поэтому, как только дух народа поднимается на более высокую ступень, все моменты государственного устройства, связанные с предыдущими ступенями, теряют свою устойчивость; они должны рухнуть, и не существует силы, способной их удержать. Тем самым философия познает, что происходить может только разумное, как бы ни противодействовали этому по видимости отдельные внешние явления.

Грисхайм (1824), с. 89: Исторически обоснованное право может быть отвергнуто философией в качестве неразумного... Следовательно, историческая оправданность недостаточна для того, чтобы объявить что-либо разумным, а между тем все дело именно в этом.

Штраус (1831), с. 923 след.: Что действительно, то разумно. Но не все, что существует, действительно¹; дурное есть нечто в самом себе надломленное и ничтожное... Все то, что покоятся только на авторитете, не считают значимым... Многое признается лишь внешне, а не внутренне. Право следует черпать из разума. Этому не могут противостоять никакие привилегии, все особенные права поглощены понятием права. Это — творения человека, а творениям человека противопоставляется в качестве наивысшего право божественное. Однако в наши дни именно божественное право — наиболее отвергаемое.

Ганс. Добавление к его лекции о естественном праве в Берлинском университете, 1828: ...Положение, пояснить которое тем более необходимо, что оно допускает иска-

жения и нелепые упреки; оно принадлежит величайшему философиу нынешнего мира и гласит: что действительно, то разумно, и что разумно, то действительно... Для оправдания этого положения необходимо иметь в виду следующее: действительность противоположна явленности, явленность есть случайное, действительное же в явлении есть то, что обладает мыслью (*Gans E. Philosophische Schriften*. Berlin, 1971. S. 44).

Гегель. Заметки, с. 89: Современность представляется рефлексии, особенно самоуверенности, крестом [правда с трудом]; розу, т. е. разум на этом кресте, учит познавать философию.

Г е г е л ь
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ВВЕДЕНИЕ
Запись лекции 1819/20 г.

Абстрактное есть право, осуществление его — государство. Обычно право рассматривают как несчастье, которое ущемляет естественное право человека. Ведь говорили же о потерянном рае, о восстановлении естественного права. Право на земле — святыня, которая должна быть нерушима; но нерушима святыня только на небесах или в мыслях. На земле же право может быть затронуто, нарушено. Задача нашей науки — познать, что действительно есть право. Такое исследование особенно необходимо в наше время, когда каждый полагает, что обладает правом в своем убеждении, и хочет, чтобы оно было осуществлено. Не осуществление же этого права он считает чем-то кощунственным, которому следует противодействовать. Философии надлежит определить понятие права. Впрочем, уже хорошо, что философии предъявляют такие требования. В этом заключено по крайней мере понимание того, что найти право можно только с помощью мыслей. Обычно же каждый полагает, что обладает правом в том виде, как он его себе представляет. Кое-кто надеется обрести в философии кладезь оснований, способных полностью устраниТЬ все неправое, — перед ними предстает счастливое состояние, тем более желанное, чем дальше оно от действительности. С другой стороны, утверждается: право и философия принадлежат государству. Воля духа — свобода; а свобода — основа государства. В самом деле, верно, что философия, с одной стороны, не есть наука о действительности и не опре-

деляет право, исходя из того, что дано. Философия черпает свое понимание из разума, из внутреннего понятия. То, что философия права не есть позитивная наука, которую мы разрабатываем, и, таким образом, как будто противостоит действительности, будет первым пунктом нашего рассмотрения.

Платон («Государство», книга V)² изображает отношение философии к государству. Говоря о философии и действительности, следует принять более высокую точку зрения. Мы обнаруживаем в платоновской философии предпосылку, 1) что философия рассматривает истину в форме мысли, в форме понятия. Если это постижение в понятиях, мышление, то ведь истина в других ее формах, например *основанная на чувстве*, также истина. Философская истина обладает своей особой формой; 2) что эта истина противопоставляет действительности только долженствование. Мы утверждаем, что истина субстанциальна, что она столь же есть внутреннее понятие, как действительность, что она не пустое представление, а единственно правомочное. Утверждение, что истина, божественное, есть лишь потустороннее горных небес или заключена только во внутренней субъективной мысли, противоречит религии. Признают, что природа божественна, мышление же якобы оставлено богом, отдано во власть случайности. Между тем, напротив, идея вездесуща, она — не равнодушный зритель наряду с другими, она — всеодушевляющее, без которого нет ничего, что обладает бытием. Действительность — это тело; идея — животворящая душа; тело рассыпалось бы в прах, если бы его покинула душа. Мы познаем то, что есть, само действительное. Размышляя о Платоне, мы обнаруживаем — не будь в его государстве некоего недостатка, оно необходимым образом стало бы действительностью. Тех, кто говорит о действительности, реальности, опыте, а идеал, напротив, называет пустым, нельзя считать совершенно неправыми. Они только неверно отразили в своем зеркале действительность, не рассматривали ее с помощью разума, ибо тогда бы мир явил себя также разумным. Реальное и действительность — царство духа. Платон познал действительность своего мира; принцип нравственности в форме простоты — это греческий дух, греческая нравственность; греческая нравственность действительно была такой, как мы обнаруживаем ее в образах Гомера, Геродота, Софокла. Но нравственность в качестве греческого духа не могла остаться в этой форме. В соответствии

с требованиями более высоких форм она должна была вести к раздвоению. Это чувствовал уже Платон. Однако это раздвоение явило себя в старой идее нравственности как пагубное, так как оно еще не было возвращено к гармонии. Подобно тому как спартанцы запретили деньги, ввиду того что деньги порождали дурные наклонности, но тем самым достигли лишь того, что в душах людей сильней разгорелась жадность, Платон хотел уничтожить начало нравственного самосознания, создавшего раздвоение; в его государстве не должно было быть ни собственности, ни семьи.

Философия не должна выходить за пределы своего времени; она находится в нем, познает настоящее. Вечно истинное не есть ни прошлое, ни будущее. Это в себе и для себя истинное не есть нечто бесформенное и безобразное, оно — образ, определенный способ проявления духа; это проявление духа настоящего, отличающегося от других образов, есть высшее проявление понятия, каким оно само постигло себя. Этот образ двойствен — отчасти он принадлежит философии, отчасти внешнему облику наличной действительности. В действительном бытии этот дух подобен пестрому ковру, на котором перекрещиваются и борются друг с другом многочисленные интересы и цели. Этим образом философия не занимается. Предмет рассмотрения философии — гул этой борьбы, возвращенный к мысли: дух — система его простой жизни.

Напомним высказывание: мировые события и люди — орудия пророчества. Оно создает нечто другое, не то, чего хотели люди; когда люди хотят осуществлять свою волю, пророчество осуществляет свою. Конкретнее это можно выразить так: истинный дух есть субстанциальное, существенное, основа, то, что мы у животных называем родом; род проявляется через инстинкт. В нем открывает себя природа. Но помимо рода, помимо всеобщего духа наличную действительность духа составляют единичные люди. Человек не действует, руководствуясь инстинктом, поэтому значимость обретает единичность. Люди объединяются, создают общность. У них свои особенные цели, и именно эти цели, с одной стороны — особенные, с другой — всеобщее в них есть род. Сюда относятся страсти, которые ищут своего удовлетворения. Они свидетельствуют о том, что люди ищут свою особенность. Это и есть осуществление всеобщего. Идея, просто всеобщее, не осуществляет себя, она инертна. Деятельна только субъект-

тывность; она превращает всеобщее в действительно конкретное, *наличное*. Действительный мир предстает как нечто двойственное — в нем являются себя цели индивидов, воление единичных, которое есть осуществляющее и всеобщее. Эта внешняя сторона совершенно необходимо. Однако, когда реализуется взаимопреплетение особых интересов, всеобщее оказывается субстанциальным, неодолимым. Следовательно, поскольку всеобщее есть действительный мировой дух, рассматриваемый философией, внешняя действительность не относится к области философии. Она вычленяет только простое, а многообразное сводит к единству. В этом отношении деятельность философии можно сравнить с микроскопическим исследованием. Рассматривая тонкие очертания образа через увеличительное стекло, мы повсюду обнаруживаем шероховатость: то, что представляется невооруженному глазу прекрасным, кажется тогда уродливым. Так же обстоит дело с действительным сознанием: для него существуют единичности и сложности. Философия возвращает суптоку действительности к ее простоте, в тихую обитель, свободную от этих интересов. Следовательно, она занимается своим делом не вне дел мира, но рассматривает в них субстанциальное. Она признает право наличного, ибо даже в самых пестрых переплетениях чужеродных интересов все-таки... содержитя всеобщее. Она чтит действительное как царство права; знает, что в действительном мире значимость может иметь только то, что заключено в понятии народа. Нелепостью было бы навязывать народу учреждения, к которым он не пришел в своем собственном развитии. То, что своевременно во внутреннем духе, происходит безусловно и необходимо. Государственный строй — дело состояния этого внутреннего духа. Он служит почвой; ни на земле, ни на небесах нет силы, которая могла бы противостоять праву духа. Это, правда, нечто совсем другое, чем рефлексия и представления, которые создаются абстрактным мышлением или благожелательной сердечной растроганностью. Что разумно, станет действительным, и что действительно станет разумным³.

В религии божественное ощущается в форме своей вечности; оно существует в мире как действительный дух. В этом отношении философия относится к церкви как духовная религия. Ее предмет — истинное в форме своей вечности.

Напротив, форма философии есть, правда, также фор-

ма вечного, но — форма чистой мысли, вечного в чистой стихии. Хотя философия и рассматривает, что есть дух, она все-таки производит разделение, ибо она есть нечто другое, чем действительный дух. Разделение обретает это более конкретное определение, когда мы обращаем внимание на то, когда появилась философия. Это произошло тогда, когда дух в форме мысли противопоставил себя форме внешней действительности. Такой мы видим философию у Платона, Сократа, Аристотеля во времена, когда жизнь Греции приближалась к своей гибели, а мировой дух — к более высокому сознанию самого себя. Менее отчетливо это повторяется в Риме, по мере того как прежняя, своеобразная римская жизнь исчезала, принимала другой облик. Декарт появился, когда средние века изжили себя. Наконец, порождается концентрация духовной жизни, в которой мысль и действительность еще не были едины. Когда эта концентрация достигла в своем развитии различия, когда индивиды стали свободны, а затем распалась жизнь государства, тогда выступили великие духи. Философия выступает как обособляющийся дух. Когда она стала рисовать своей серой краской по серому, произошло разделение на тело и душу. Не философия привнесла этот разрыв; он уже произошел. Философия — лишь его знак. Как рассматривать этот разрыв? Можно предположить, что это — лишь идеальный, не истинный разрыв, что дух покидает действительность как мертвое тело, что это — состояние мира, в котором свободная философия совпадает с формированием мира. При таком взорении философия отказалась бы от предполагаемого противостояния и от того, что есть ее истинная цель. Ибо в ней заключен момент примирения; ей надлежит снять разделение в различном сознании.

К § 1

Гомайер, с. 234: Предмет философской науки о праве есть высшее понятие о природе свободы вне зависимости от того, что признано, от представления данного времени. С. 237: Естественное право имеет своим предметом разумное понятие права и его осуществление, *идею права*. Источник этой науки есть мысль, поскольку она постигает волю в ее свободном самоопределении. Это же источник божественного вечного определения разумного права, с той только разницей, что в науке мышление выступает как *постижение*.

Гегель. Заметки, с. 81: Не так называемые голые поня-

тия; философии лучше всего ведомо, что так называемые голые понятия суть нечто ничтожное — их осуществление — реализация. Действительность есть только единство внутреннего и внешнего — чтобы понятие было не только внутренним, но также и реальным,— а внешнее, реальность — не реальностью, лишенной понятия, наличным бытием — существованием, а было бы существенно определено понятием.— Таково в общем различие между понятием и идеей.— Для нефилософского мышления — сначала исторически — подробнее об этом при рассмотрении понятия права — понятия самой этой идеи — ибо право есть только как идея —

Природа предмета. Не в том дело, чтобы утверждать: у нас есть те и другие понятия и их содержание — право, свобода, собственность, государство и т. д. и отчетливо мыслить эти понятия; формальное образование не способствует решению о предмете — но: рассматривать именно природу предмета, это и есть понятие предмета,— а первое есть лишь данное, бог весть откуда почерпнутое, обретенное в представлении и т. д.

Грисхайм, с. 96: В праве заключено одновременно и определение осуществления, и лишь вторым вопросом является, что должно быть осуществлено.

К § 2

Гегель. Заметки, с. 83: Слава Богу! В наших государствах кодексы можно начинать с дефиниции человека — в качестве правоспособного индивидуума,— не опасаясь натолкнуться на права и обязанности человека, которые противоречили бы понятию человека.

Грисхайм, с. 99: Разумны те законы, государственные устройства, которые соответствуют природе человека, понятию человека, свободе.

К § 3

Гомайер, с. 238: Позитивное право есть вообще право, которое действует в государстве. То, что в его содержании разумно, является позитивным посредством формы авторитета. Однако позитивное по своему содержанию право может быть в некоторой своей части также противоречащим разуму и противоправным...

Гегель. Заметки, с. 89: Можно предположить, что возможны система права и состояние права, чисто разумны по своему характеру — только разумны — идеал,— выдвигается требование, что они такими должны быть —

высшее требование. В нем заключено верное, но и неверное —

Верное: разум должен быть господствующим, и таков он в развитом государстве — в целом также — в нем больше разумности, чем обычно полагают, это уже было сказано; современность представляется рефлексии, особенно самоуверенности, правда, крестом; розу, т. е. разум на этом кресте, с трудом учит познавать философию.

С. 91: ...Государство, законы имеют две стороны — они должны быть разумны или понятны и тем самым соответствовать собственному смыслу понятия, чтобы индивидуум мог им повиноваться, считая их благом,— но они имеют и другую сторону, которая состоит в том, что они *имеют силу*. Они должны иметь силу; *субъективное усмотрение* есть нечто случайное, сила закона не может зависеть от того, что полагает и чего желает тот или иной. Ибо именно законы суть неслучайное, напротив, то, в чем случайность устранена. Люди следуют законам из страха — а осознанный страх есть проявление ума при сопротивлении внутреннего убеждения; им следуют из веры, доверия — затем также при всей разумности и понимании — большей части постановлений закона из здравого смысла, позволяющего понять, что существует бесконечная сфера, внутри которой могут быть приняты те или иные решения; но главное состоит в том, что они должны быть приняты; в мире следует приказывать, просто приказывать; в сфере религии разума нельзя просто приказывать,— но в аспекте бесконечной случайности можно.

С. 99: Подобные юристы видят в остальных людях своих крепостных в юридическом отношении.

Связано с профессией — Ни один народ не откажется от права на разумное понимание — Никакие непрофессионалы — здесь еще в меньшей степени, чем в религии, и пришло время, когда речь должна идти о разумности предмета — миряне ничего не понимают в религии.

Гого, с. 105: Право называется позитивным, поскольку оно имеет силу, потому, что оно есть, а не потому, что оно разумно.

К § 4

Гомайер, с. 241: Принцип свободы — наивысший принцип, в котором все виды существования растворяются как в своей основе, постоянно противоречат друг другу и разбиваются.

Грисхайм, с. 99: Когда мы таким образом даем дефи-

ницию человека, мы утверждаем, что он есть нечто живое, самосознующее себя живое, тем самым мыслящее живое, тем самым свободное живое. Следовательно, необходимость свободы должна быть показана в качестве необходимой для себя; следует еще добавить, что свобода должна реализовать себя, осуществить, создать для себя свой мир, создать для себя систему свободы, свое внешнее выражение, дать себе наличное бытие. С. 109: Свобода воли есть тот принцип, из которого мы исходим, ибо право — не что иное, как осуществление воли, поскольку она свободна. Право поконится на свободе. Кант также придерживается этого взгляда, однако он добавляет, что, с другой стороны, в праве сразу же оказывается, что свобода должна быть ограничена, и право таким образом непосредственно влечет за собой ограничение свободы. Это мнение противоположно тому, что будет изложено нами. Свобода обретает в праве свое осуществление, она не ограничена в нем, определения права не негативны, не ограничивающие по отношению к свободе, напротив, право носит по отношению к свободе утверждающий характер, свобода выступает в праве как утверждающая, присутствующая.

Следует подробнее остановиться на вопросе о сущности свободы. Существует, правда, естественная воля, которая свободна, однако она свободна только формально, а не по своему содержанию, не по своему определению. Эта только естественная воля, эта наша свобода, является смесью свободы и несвободы, последняя должна быть ограничена. Ограничиваются несвобода, напротив, определение стороны свободы состоит в том, что свобода полностью осуществляется. Свобода должна стать действительной посредством права, с этим связаны как моральное, так и нравственное вообще и все нравственные сферы, охватываемые государством. Дано должно быть не только право отдельного человека как личности, не только личности должны быть предоставлены ее права, но осуществлена должна быть воля, в ее сущности, в ее свободе. Подлинно свободная воля должна обрести свои права, тогда мы имеем право, и разум, поскольку он есть воля, достигает своей реализации.

К § 5

Гегель. Заметки, с. 115: Кто не мыслил себя, тот не свободен — кто не свободен, тот не мыслил себя.

Гото, с. 113: ...Человек, убегающий от врага, отри-

цающий его, не свободен от него. Так же и свобода обусловлена тем, что она отрицает, следовательно, не безусловна. Не отрицая ничего, она не есть, таким образом, она есть только как обусловленная. Следовательно, когда говорят, что свобода есть беспредельное, то это отрицательная точка зрения. Фанатизм видит во всем наличном бытии границу и хочет уничтожить ее, чтобы быть свободным; следовательно, тем самым свобода в этой негативной форме есть разрушение всего. Подобная свобода существовала в период Французской революции, когда степень свободы измерялась только степенью разрушения.

Грисхайм, с. 113 след.: Эта отрицательная воля чувствует себя существующей только в разрушении, она полагает, что стремится к какому-либо позитивному состоянию, например к состоянию всеобщего равенства или всеобщей религиозной жизни, но в действительности она не стремится к позитивной реальности того или другого, поскольку это сразу же приведет к порядку, к обособлению как учреждений, так и индивидуумов, между тем именно из уничтожения обособления и объективной определенности возникает самосознание этой отрицательной свободы. Поэтому то, чего она желает, может быть само по себе только абстрактным представлением, а его осуществление только фурией разрушения. Это показывает история; надеются на всеобщее равенство, на общую религиозную жизнь, но, поскольку цель преследуется фанатично, это ведет к уничтожению всего существующего порядка. Так, за Реформацией последовали беспорядки в Мюнстере⁴, таковы были последствия Французской революции, целью которой были свобода и равенство, устранение всех различий.

К § 6

Грисхайм, с. 117 след.: Это содержание воли может быть, далее, данным природой или порожденным из понятия духа. Посредством такого полагания самого себя в качестве определенного Я вступает вообще в наличное бытие; абсолютный момент конечности или обособления Я. У меня есть влечения, потребности, склонности, они могут составить содержание моей воли, но она может возникнуть и из понятия духа — право, нравственность. То, чего я хочу, к чему я себя определяю, — это мое, это делаю я, полагаю я, оно во мне, лишь поскольку я этого хочу. Человек обладает естественными влечениями, но не подобно животному, то, к чему меня влечет, значимо

для меня, только поскольку я это полагаю, этого желаю; я есть это неопределенное; я одновременно возвышаюсь над моими влечениями и вместе с тем не свободен в своих страстиах, влечение оказывается полностью вне меня, человек есть вне себя, несмотря на то, что это его гнев, его страсть. У себя человек в качестве Я для себя, в качестве чистого Я. Следовательно, влечение, с одной стороны, есть определение природы, но над ним есть Я — неопределенное, у себя пребывающее, и то, чего требует естественное влечение, есть только мое в том смысле, что Я делает его своим, ограничивается в нем. В свободном человеке естественное влечение имеет силу лишь постольку, поскольку Я себя ограничивает, это влечение является, правда, природным ограничением, но имеет силу, лишь постольку Я эту границу полагает.

К § 7

Гегель. Заметки, с. 125: Единичность, лучше: субъективность —

К § 8

Грисхайм, с. 123 след.: Удовлетворение даже от самой незначительной деятельности состоит в том, что в ней я нахожусь у самого себя, нахожусь в качестве всеобщего, и это дает мне удовлетворение. Я ощущаю в себе мир. Конечное на стадии рефлексии не дает человеку мир; но поскольку он в нем пребывает у себя, там нет ничего враждебного: если оно не находится вне человека, то человек имеет себя в этом содержании. Человек присутствует во всем, что он делает, и в этом состоит свобода воли.

К § 11

Гомайер, с. 245: Природная воля, или воля в сфере возможностей, влечений, склонностей, есть произвол, поскольку она может иметь в своем представлении множество внутренне или внешне данного и в ходе простой рефлексии определить себя к тому или другому или выбрать то или другое. Она может также отказаться от выбранного ранее, поскольку оно есть его лишь посредством его определения; но другое содержание, которое подобная воля поместит на место предыдущего, будет также ограниченным; таким образом, природная воля может до бесконечности снимать выбранное ею содержание, но этим она для себя не выйдет из сферы конечности, так как и ее неопределен-

ность, и ее определенность являются конечными моментами.

Гегель. Заметки, с. 135: Я нахожу себя так или иначе определенным; имею эти влечения — также и физические потребности, еда и питье, — долженствование, необходимость, как у животного — чувственные ли влечения, основанные только на ощущении, или духовные по своей природе, сочувствие, честь, слава — содержание влечений и склонностей выступает впоследствии в виде обязанностей и прав — обязанностей для субъекта — права в себе и для себя — их содержание становится значимым —

Гого, с. 128 след.: Истинное в содержании влечений есть система обязанностей, постигнутая в ее истинном месте в системе разумного. Влечение ни с чем не сообразуется, оно есть простая определенность, оно слепо. Эти определения суть моменты некоего целого, где все принимается во внимание, и в этом состоит их истина.

Грисхайм, с. 128: Не все влечения разумны, но все разумные определения воли существуют также как влечения. В качестве природной воля может быть и неразумной, частью противоречащей разуму, частью случайной. Однако эти влечения нас не интересуют, для нас представляют интерес лишь те влечения, которые полагаются разумным развитием. Неразумные влечения, влечения злости, злобы не имеют субстанциального, определенного понятием содержания, они случайны, неразумны и в качестве таковых нас не занимают.

К § 13

Гомайер, с. 248: Цель воли: установить тождество ее с интеллектом; односторонность интеллекта в том, что он находит свои определения перед собой в качестве непосредственно сущих, его содержание всегда дано; стремление интеллекта состоит в том, чтобы сделать его предмет, мир, своим. Воля же состоит в том, чтобы все было положено ею. Если воля хочет реализовать себя, она становится наличной для интеллекта.

К § 15

Грисхайм, с. 131: Таким образом, произвол есть точка зрения рефлексии, смешение свободы и несвободы. Каждое содержание здесь неопределенно, безразлично то, что я выберу, я нахожусь в сфере выбора. Ни то, ни другое не необходимо, но что-то должно быть, если я хочу решиться, если я хочу быть действительной волей. Произ-

вол есть случайность в сфере воли. То, что произвольно, случайно. В этой сфере еще отсутствует определение разума, разум решает столь же свободно, сколь необходимо. То, что здесь определено, суть потребности, возждения, влечения. Отдавая предпочтение тому или иному содержанию, я могу иметь на то серьезное основание, создается впечатление, что я действую непроизвольно, однако само это основание есть нечто ограниченное, произвольное, поскольку оно соотносится с моей рефлексией, и я могу считать его значимым, если я того хочу. Если бы основания действительно были действенными, движущими, то духовенство достигало бы большего основаниями, которые оно приводит; между тем все зависит от того, хотят ли слушатели внимать ему.

К § 17

Грисхайм, с. 133: Каждое влечение требует удовлетворения, оно есть, оно значимо, но столь же значимо и другое, каждое из них выступает как утверждающее, но должно быть положено как негативное. Такова диалектика. Влечение видит лишь себя, оно слепо, оно следует только себе, не имеет своей меры в самом себе; здесь не существует определения, каким влечением следует пожертвовать, здесь все определяет произвол.

К § 18

Грисхайм, с. 134: ...Влечение как таковое односторонне. Сравнивая его с жизнью, я вижу, что, удовлетворяя только одно влечение, я должен буду погибнуть, ибо я — ведь не только одно это влечение, а множество влечений, потребностей. Если я изолирую это негативное, то влечение становится не тем, чем оно должно быть, оно становится злым. То и другое — абстрактные определения. Человек от природы добр, или, другими словами, ему дана от природы склонность к свободе и разуму, но это не действительность, и поэтому он не таков, каким он должен быть. Пока в нем господствуют только влечения, он зол, он — несвободная воля. Человек не должен оставаться таким, каков он от природы.

К § 19

Гото, с. 142: В основе влечения к мести, например, лежит влечение к справедливости. Ибо ущемление прав требует их возмещения. Однако если это право осуществляется посредством мести, то содержание этого права

субъективно, случайно, это субъективное ощущение, жаждущее мести, действующее, здесь выступает оно, а не свободное право. Очищение мести означает только, что она должна стать волей права.

К § 21

Гото, с. 146: Под истинным понимают обычно совпадение некоего субъективного, моего представления, с действительностью, объективным. Следовательно, мы имеем здесь два момента. Представление должно совпасть с действительностью. Однако такого рода истинное не относится к сфере философии, и его следовало бы скорее назвать правильным, чем истинным.

С. 150 след.: Раб, довольный своим положением раба, не мыслит себя, так как свобода не является его целью, следовательно, он не хочет своей всеобщности, он не хочет только того или другого. У греков были рабы, другими словами, они не пришли к тому, чтобы мыслить себя людьми, т. е. знать, что свобода есть сущность человека. Каждый знал себя гражданином, свободным гражданином, и это было для них их сущностью, их последним, они не мыслили себя в себе и для себя свободными, иначе у них не было бы рабов. Следовательно, мышление — основа права и государственного устройства вообще.

К § 22

Гегель. Заметки, с. 155: К этому противоречию относится рабство.

К § 25

Грихайм, с. 144: Когда с человеком обращаются произвольно и он должен только слушаться, он чувствует, что его не воспринимают как субъекта, так как это требовало бы, чтобы во мне было значимым только то, что есть в моем самосознании, что признано мною. В этом случае человек есть субъект для себя; с ним нельзя обращаться как с вещью, как с предметом, субъект противоположен этому; вещи положены границы извне, человек же в качестве субъекта не таков. Чистая субъективность есть глубочайший корень достоверности меня самого.

К § 28

Грихайм, с. 147: Чтобы свобода была для духа предметом в качестве разумной системы его самого, необходимо развитие субъективно-свободной воли в объектив-

ную свободу таким образом, чтобы она стала второй природой, реально существующей как природная, наподобие того, как это происходит в государстве. Законы государства являются для субъекта сначала силами и законами природы, которым он должен повиноваться, и все дело только в том, удовлетворится ли он этим или будет стремиться понять этот порядок, вникнуть в него и примириться с ним. Свобода должна стать для него предметом, чтобы быть для себя в качестве идеи тем, чем воля есть в себе. Будучи тем самым развитием своего собственного понятия, предмет перестает быть для него предметом. То же служит основанием для того, что для него существует и его субъективная свобода. Следовательно, соединение субъективности и объективности есть то, что мы называем идеей. Здесь происходит осознание обеих — субъективности и объективности — в их беспредельном значении, в их в себе сущем единстве.

С. 148: Так, например, преступник карается законом, объективным законом, но он должен и сам признать, что заслужил наказание, что он сам погубил себя. Что это не во всех случаях необходимо, относится к более высокой сфере права. Нравственный мир права и естественный порядок вещей осуществляет принуждение по отношению к субъекту в качестве естественной власти и пребывает для себя. Столь независимым должен пребывать нравственный мир права, но и субъект должен прийти к этой свободе в себе, и только тогда выступает единство, которое и есть идея, опосредующее, предпославшее себе моменты самого себя.

К § 29

Гегель. Заметки, с. 167: Право является в ближайшем представлении как возможность делать что-либо или не делать чего-либо — Я не совершаю ничего неправового, если я не даю силу моему праву только не нарушить право другого — Более высокие конкретные определения суть не только права, но и обязанности —

Грихайм, с. 149: Право основано на свободе, свобода должна быть идеей, должна обладать наличным бытием. Реальность и свобода составляют право. Право имеет также значение быть *linea recta*⁵ чего-то другого, правила, однако здесь право есть наличное бытие свободной воли. Она должна реализоваться, дает себе предметность, которая есть она сама; однако свободная воля выступает здесь еще в ее формальном аспекте, когда понятие тож-

дественно своей предметности; когда свободная воля имеет своим содержанием саму себя, они оба тождественны. Одна сторона — Я, другая сторона — предметность, поэтому свободная воля, которая есть для меня, должна иметь форму предметности, наличного бытия, однако эта предметность в свою очередь не имеет иного содержания, кроме свободной воли.

С. 150: Далее из этого следует, что я должен ограничивать мой произвол по отношению к другим, это верно, но, что моя свобода должна быть ограничена применительно к свободе других, неверно, ибо свободу нельзя ограничивать, она не должна быть ограничена, должна быть осуществлена, она абсолютна. Ограничение свободы было бы вообще неправомерно, ибо это означало бы не давать ей наличного бытия или лишить ее этого. Перед лицом свободы ничто не имеет значения, она есть всеобщее, которое должно достигнуть утверждающего наличного бытия, нет ничего, что могло бы быть для нее границей, отрицанием.

К § 30

Грисхайм, с. 156: В мире нет ничего выше права, основа его — пребывание божественного у самого себя, свобода; все, что есть, есть осуществленное существование божественного, самосознание духа у себя, это наличное бытие божественно, оно самое священное. Однако, сколь оно ни священно, оно многообразно по своему характеру, оно обособляется, и в нем присутствуют ступени различного ранга. С. 157: Такова, например, природа, право собственности — высокое право, оно священно, но при этом остается очень подчиненным, оно может и должно нарушаться. Государство требует уплаты налогов, это требование сводится к тому, чтобы каждый отдавал часть своей собственности; тем самым государство лишает граждан части их собственности, оно посягает даже на жизнь своих граждан, охватывающую всю сторону существования; право на жизнь священно, и все-таки приходится от него отказываться. Не следует ссылаться на то, что жизнь священна, хотя многие чувствительные поэты и резонеры утверждают, что война является чем-то отвратительным, так как она ставит под угрозу жизнь и собственность людей. (...) Право свято, но, с другой стороны, оно есть и наличное бытие свободы и в качестве особенности нечто, что должно быть подчинено. Государство и есть это подчинение права, подчинение прав друг

другу, подчинение, которое само есть правовое. Поэтому налоги не нарушают права собственности, и требование налогов не есть нечто неправовое. Право государства выше права отдельного человека на его собственность и личность. Однако даже право государства не есть наивысшее, над правом государства стоит право мирового духа, и оно неограниченно, священно, оно самое священное.

К § 35

Грихайм, с. 172: В качестве лица я свободен, и вместе с тем я — этот; несмотря на то, что я этот единичный, в этом времени, в этом пространстве, что я зависим, подвластен случайностям, я тем не менее свободен для себя, то и другое присуще лицу. Человек нуждается, беден, зависим, но это не мешает ему обладать беспредельным самосознанием своей свободы, своего у себя бытия, и я требую уважения к себе в качестве свободного. В личности предметно то, что я в качестве этого единичного, эмпирического свободен, обладаю всеобщностью для себя, мыслю себя. Таково сцепление абсолютных крайностей, которое есть только в духе. Дух есть то огромное, что так называемый здравый смысл именует безумным, что связывает столь противоположное. Такова сила духа. Я более слаб и преходящ, чем любой камень, и все-таки в этой слабости я для себя предмет в качестве беспредельно свободного.

К § 36

Грихайм, с. 173 след.: Кто не есть лицо, не обладает правом, ибо только свобода обладает абсолютным наличным бытием. Животное также обладает абсолютным наличным бытием, но оно не вызывает уважения, так как оно не есть наличное бытие свободного. Во времена Канта много говорилось о высшем принципе права, поэтому здесь устанавливается заповедь права: в качестве лица ты обладаешь наличным бытием, бытием для другого, ты свободен для себя, ты существуешь, ты должен быть свободным, лицом для себя, и каждый должен быть таковым.

К § 37

Грихайм, с. 174: Если я располагаю собственностью, то я заинтересован в ней, чтобы удовлетворять свои потребности, — это одна сторона, но не главная, так как в праве все дело в свободе как таковой.

К § 38

Грисхайм, с. 176: Я должен уважать собственность другого, в этом заключен только запрет. В праве я выступаю как единичное, лицо для себя, мне надлежит оставить другого также в его единичности, не затрагивать его, не мешать ему, и он мне также. Основное определение сводится к взаимному исключению, к тому, чтобы оставить другого таким, как он есть. Требование уважать собственность другого — позитивное, утвердительное выражение, но по существу в нем содержится лишь отрицательное отношение к другому.

К § 39

Гото, с. 197: Философия должна дать человеку сознание того, что он есть.

К § 44

Гомайер, с. 258: Овладение вещью превращает ее материю в мою, так как материя сама по себе не есть ее собственное. Овладение вещью есть либо непосредственный физический захват, либо преобразование, либо просто обозначение вещи.

К § 45

Грисхайм, с. 187: Потребности раба удовлетворяются его господином, некоторым рабам живется лучше, чем нашим свободным крестьянам. Известно много случаев, когда свободные индивидуумы просили сделать их крепостными, ибо тогда их потребности удовлетворяются. Необходимое содержание более высокого интереса, о котором нельзя забывать при этом удовлетворении, состоит в том, что владение есть одновременно моя собственность и тем самым составляет удовлетворение.

Таким образом, владение есть не последняя цель, существенная цель состоит в том, чтобы быть свободным, а она заключена только в собственности. Мое владение служит удовлетворению моих потребностей, это владение должно быть собственностью, эти две стороны всегда связанны. Человеку важно право, но не только оно, также важно не только удовлетворение потребностей; в государстве существует гармония обеих сторон.

К § 46

Гегель. Замечания, с. 217: Фамильный фидеикомисс — опека навек.

Грисхайм, с. 192 след.: Так, например, во всех протестантских странах католическая церковь имела раньше значительную собственность. По воле дарителей ее надлежало использовать в католическом богослужении, для украшения алтарей, для содержания духовенства, служения обедни, зажигания свечей и т. д. Цель может изменяться, община, страна, государство могут изменить свою религию, тем самым цель морального лица изменилась, она не существует больше в своей прежней определенности, и собственность также изменяется. Размер собственности может измениться согласно иному определению цели. Католическая церковь утверждала, что церковь неделима, и поэтому собственность остается собственностью оставшейся церкви и не является собственностью общины. Однако церковь по существу присутствует, жива в членах общины, и ее имущество постольку есть имущество церкви данной провинции, поскольку она составляет общину. Эта точка зрения многое определяет. В Германии это получило свое внешнее определение посредством формы насилия, права войны, мирных договоров. В Англии, напротив, это особенно важно, ибо большая часть собственности католической церкви оставлена англиканской церкви и рассматривается как частная собственность, которую государство не контролирует и которой оно не распоряжается. Здесь церковь также имеет свои владения, как любое частное лицо.

В результате возникают несообразности; еще сильнее они в Ирландии. Ирландия в целом была католической. В результате завоевания Ирландии королем Вильгельмом в 1688 г. собственность католической церкви была в целом реквизирована и передана англиканской епископальной церкви, без того чтобы при этом ирландцы изменили свою веру. В течение ряда лет в Ирландии происходят внутренние волнения, и, когда стало очевидным, что эти волнения являются результатом бедности и недостаточного воспитания народа, были внесены предложения использовать богатства церкви для воспитания народа. Все католики должны платить десятину евангелическим священникам. Десятина предназначена для содержания живой церкви, т. е. той, к которой принадлежит тот, кто платит десятину, в противном случае это вызывает возмущение.

Год за годом в парламенте делались попытки использовать богатства церкви для воспитания народа и поддержания церковных зданий, в том числе тех, где шла англиканская служба. Но все попытки оказались тщетны. Доход некоторых епископов достигает 10 000—12 000 фунтов стер-

лингов, а поскольку он складывается из десятины и предназначен для содержания епископа, подчас случается, что его собор разрушается, так как нет фонда, необходимого для ремонта церкви, и деньги на это должен предоставить парламент. Турки были более милостивы к грекам, чем англичане к ирландцам, они ведь оставили грекам их церкви и не требовали от них, чтобы они следили за сохранностью мечетей. Ирландцы же должны обеспечивать сохранность англиканских церквей, а также собственных. Правда, Кромвель действовал еще безумней, когда он согнал все население Ирландии на территорию, составляющую четверть страны, а три четверти земель разделил и раздал; это ужасное положение было впоследствии изменено, так не осталось. Основной тезис, который все время подчеркивается, заключается в том, что имущество английской церкви является частной собственностью, над которой не властен ни король, ни парламент. Церковь рассматривается здесь как моральное лицо, причем в ее сферу входит даже духовное лицо другой религии, отличной от той, которую исповедуют те, кто должны вносить платежи. Несоответствие таких доходов их цели бросается в глаза, но в Англии продолжают отстаивать абстрактное понятие частной собственности. Однако частной эта собственность стала только на основании старого парламентского акта. Суждение о нем зависит от понимания того, что моральное лицо лишь благодаря цели становится лицом, поэтому от цели зависит и собственность, которая тем самым отличается от собственности частного лица.

Грисхайм, с. 188: Бытует представление, что общность имущества выгоднее, она представляется даже выше в нравственном отношении, чем замкнутость и косность частной собственности, когда каждый хочет обладать собственностью только для себя. Это описано в «Государстве» Платона. Исходной точкой служит там нравственность: нравственность есть сознание единства, сущности, духовности, она сама по себе всеобща; действовать в духе единения — нравственно. Этому нравственному как будто противоречит для себя бытие, отсутствие единства, что является принципом лица, ибо как лицо я есть всецело для себя. В качестве лица я полагаю себя как косную непроницаемость, лишенную какой бы то ни было широты, как наивысшую точку. Нравственность противостоит этому изолированию в качестве другого принципа, который, согласно природе духа, стремится к единству, смягчению, растворению этой косности.

Это и послужило в общем причиной того, что Платон, установив принцип нравственности, сохранил принцип единства и уничтожил частную собственность. С этой точки зрения частная собственность выступает как безнравственная, из чего можно сделать дальнейшие выводы. Можно в пространной ужасающей картине изобразить страшные последствия, безграничное несчастье, которые возникли из этого утверждения собственности. Можно утверждать, что в результате разделения собственности в мир пришли все эти страсти, ненависть, зависть, эти споры, распри, нужда, показать, как человек должен с высоты своего разума снисходить до величайших усилий, до тяжелой работы, до занятий ничтожнейшими вещами, чтобы только удовлетворить свои потребности и т. д. При этом всегда опираются на то, что нравственное — это единство, а лицо противостоит ему. Впоследствии мы сами рассмотрим нравственное как высшее и тогда остановимся на этом разделении, при котором нравственное единство само движется к этой вершине, к личности. Задача именно и заключается в том, чтобы, сохраняя нравственную точку зрения различий, дойти до личности и собственности. Платон не дошел до этого, он остановился на нравственности в ее единении, не продвигаясь в осуществлении своей идеи до конца. Мы исходили не из нравственности, а из понятия свободы; мы рассматривали свободу как непосредственную, как лицо, а в качестве таковой она сразу же обладает собственностью, ибо наличное бытие лица есть собственность.

К § 48

Грисхайм, с. 196: В этом отношении проводились различия, на которых здесь следует остановиться. Фихте и Реберг опубликовали в период Французской революции работы, посвященные абстрактным, общим вопросам, которые относятся к философии права. Другие авторы также выпустили подобные произведения, целью которых было опровергнуть идеи Французской революции. Коротко говоря, различие, которое они делают, таково: если человека дают сто ударов плетьми, то бьют только его тело, а не дух, и душа его остается свободной. Рабство не истинно, свобода крепостного, раба заключена в его духе. (...)

В идею непосредственно входят понятие и наличное бытие, душа и телесность, к которой относится непосредственно данное тело. Философское понимание показывает, что истинное есть идея. Дух только как дух — пустое представление, он должен обладать реальностью, наличным

бытием, должен быть для себя объективным, предметным. Для другого я существую в моем теле, я как свободный существую в вещах, которыми я владею. Для другого я свободен только в наличном бытии, наличное бытие есть одновременно бытие для другого, в этой объективности, в которой я есмь предмет, я — одновременно и для другого. Следовательно, моя свобода может быть ущемлена только в моем наличном бытии, и ущемляется реально, поскольку затрагивается наличное бытие моей свободы. Нельзя сказать: я затрагиваю только наличное бытие, а не свободу.

К § 49

Гегель. Заметки (на полях), с. 225: Легитимность — равенство в бесконечном — не в конечном — громадная разница — победа правового — гражданского общества — .

Грисхайм, с. 198: Когда утверждают, что собственность должна быть равной, то нелепость этого легко показать на последствиях такого равенства. Если все, что составляет имущество, правильно оценить и разделить на равные части, то уже через четверть часа все станет иным по той простой причине, что равные доли были предоставлены индивидуумам, особенным, различным по отношению друг к другу, не равным. Поэтому равное представляется неравным. И следствием того, что таким неравным дано равное, сразу же окажется, что внешне равное снова станет неравным⁶.

К § 57

Гомайер, с. 259 след.: Посредством совершенствования своего тела и духа, главным же образом благодаря тому, что самосознание постигает себя как свободное, человек вступает во владение собой, становится собственностью самого себя и по отношению к другим. Однако это формирование со всем тем, что может быть отнесено к нему, в той мере, в какой оно совершается другими, не превращает его в собственность другого, а, напротив, имеет своим определением сохранить его как свободное лицо и сделать таковым. Христианской религией высказана свобода человека; божественное и человеческое едины: бог принял облик человека.

Гегель. Заметки, с. 241: Рабство носит исторический характер, — другими словами, оно относится, принадлежит состоянию, предшествующему праву, — оно относительно — это состояние в целом не должно быть, это не состояние абсолютного права — однако внутри такого состояния

рабство необходимым образом правомерно, т. е. оно есть такое самосознание свободы, которое на данной ступени существует, имеет свое наличное бытие.

С. 243: ...Ни господин, ни раб — но также ни раб, ни господин. Не может быть речи о вине того или иного индивидуума — той или иной вине, заключающейся в том, что они рабы, — это вина всех, целого. — В Вест-Индии негры часто восставали, еще теперь мы ежегодно, даже много раз в течение года читаем о заговорах на островах, — но восставшие падают жертвой общего состояния — однако они могут умереть свободными, — состояние отдельного человека обусловлено всеобщим — самый заговор служит доказательством лишь частичной убежденности — Не может быть также и речи о вине того или другого в том, что они господа рабов. — От чего зависит изменение всего состояния в целом —

Гото, с. 255 след.: Человек должен формировать свое тело и свой дух, хотеть и знать себя свободным; это означает сделать себя тем, что человек есть согласно своему понятию. Следовательно, надлежит различать то, что человек есть в себе и чем он стал посредством формирования. Человек свободен в себе, но этому должна быть придана форма, чтобы человек был свободен для себя, ибо только тогда он есть то, чем он должен быть, и достоин того, чтобы быть свободным.

К § 60

Гото, с. 230: Когда кочевые народы используют землю под пастище, они прежде всего вступают во владение этой травой, и это служит ближайшим знаком того, что данная земля должна принадлежать им и что теперь и впредь использование этой земли другими исключается. Пользование этой землей служит знаком того, что данным лицам принадлежит не непосредственная собственность, а вся земля в целом и возможное в будущем владение ею.

Грисхайм, с. 215: В предметах иной структуры, в органических, природных предметах использованное вновь восстанавливается. Я потребляю плоды дерева, они вырастают вновь, лошади устают и вновь обретают силы, я режу скот, но остаюсь собственником всего стада, и потеря восстанавливается. Я в качестве единичного потребляю воздух, он благодаря присущему ему процессу снова становится пригодным для дыхания, река, течение которой я

отведу, луг, который я скашиваю, восстанавливаются. Во всех этих случаях часть всегда погибает, но основа в большей или меньшей степени остается.

К § 62

Гото, с. 233: Это определение противоречит отношению, обнаруживаемому в феодальной системе, когда я обладаю полным потреблением вещи, но при этом не являюсь ее собственником. Это обычно означает не что иное, как то, что другой обладает только пустым *dominium*⁷, лишенным содержания.

Грисхайм, с. 221: Христианство отрицает принцип рабства; тем самым рабство не отменено полностью, так как и у христиан бывают рабы; не отменено оно и христианской церковью, даже крещение не делает раба свободным, следовательно, христианство внешним образом не устранило рабство, но духу христианства рабство противоречит, и, по мере того как дух христианства обрел господство в истории, рабство в целом было в христианском мире устранено.

Даже в Вест-Индии священники выступили против того, чтобы обращенные в христианство негры продавались, и, таким образом, стало всеобщим законом крестить негров, чтобы они в качестве христиан не могли быть проданы; это прежде всего утвердилось в португальских и испанских колониях, в английских колониях это никого не интересует.

Грисхайм, с. 222 след.: Для определения собственности необходимы законы, проводящие различие между держателями земли и господином, что и было сделано у нас. Мы должны быть благодарны нашим князьям раннего времени за то, что они не допустили, чтобы в их землях были рабы; памятники следует поставить тем, кто освободил и собственность. Держатели земли были обременены повинностями, налогами, частью неопределенными, частью определенными. Поэтому разделение было сопряжено с трудностями, надо было соблюдать справедливость, так как господин, обладатель *dominii*⁸, также является истинным собственником.

В других странах в этой области часто совершалась жестокость. Если *dominus*⁹ рассматривается как собственник, то из этого можно сделать вывод, что он вправе прогнать всех, кто живет на земле, являющейся его собственностью. Это и произошло в Шотландии, где сеньоры превратили пахотную землю в пастища и прогнали сотни жителей со своей земли. В этом случае владелец земли рассматривается как единственный собственник, и полностью

игнорируется, что живущие в его владениях люди обладают правом собственности на землю, в частности на эту землю, чтобы прокормиться.

Другой крайностью является то, что было совершено в период Французской революции, когда держатели земли рассматривались как истинные и единственные собственники и владение было объявлено полной и свободной собственностью без какого-либо возмещения феодалам. Здесь не был совершен переход в определении понятия посредством определения общей собственности. Господин *domini utilis*¹⁰ является собственником совместно с другим лицом, и если кому-нибудь из них не предоставляется его право, то его право собственности нарушается.

Такова правовая сторона вопроса; другая сторона — экономики государства — состоит в той выгоде, которую приносит наличие у лица свободной собственности, частной собственности. Если лицо таковой не обладает, его свобода в качестве лица не реализована. Самосознание того, что человек является свободным собственником, должно быть само по себе истинным сознанием. Из чувства, что человек есть, каким он должен быть, и признан таковым и что это истинно, проистекает совершенно иное прилежание и оживление промышленности, чем при крепостной зависимости. Определение собственности является громадным прогрессом, который часто не ценят так, как следовало бы ценить.

К § 63

Гегель. Заметки, с. 263: Многое становится ясным, если иметь твердое определение того, что есть ценность. Ценность — сохраняющаяся возможность удовлетворить свою потребность. Деньгами самими по себе нельзя пользоваться непосредственно, они должны быть превращены в специфические вещи.— Из чего составляется *определенная ценность*, есть нечто другое — С. 265: Владение семьи навечно, но ни продавать, ни превращать в обеспечение кредита. В наше время лен превращен в аллод уже Фридрихом Вильгельмом I. Ограничение собственности, вследствие чего свободное понятие не было реальным, не было соответственно разуму, т. е. не было свободно — ограничение не разумно, и не неразумно.

Грисхайм, с. 226 след.: Ценность означает, что вещь значима в качестве всеобщей вещи, которая, правда, обладает специфическим качеством, но таким образом, что оно сведено к количественной определенности. По этой коли-

чественной определенности вещи могут быть совершенно равными, будучи различными по своему качеству; так, поле и дом могут быть равны по своей количественной определенности.

Поскольку вещь имеет ценность, я могу удовлетворить ею мою потребность, не эту потребность, но все потребности. Поскольку я имею собственность в качестве некоей ценности, это разумное владение, я собственник его как некоторого всеобщего, оно служит для удовлетворения моих потребностей только вообще как всеобщее, моя потребность в качестве мыслимой является потребностью вообще. Тем самым вещь имеет для меня значение как возможность удовлетворить мои потребности, это не значит, что она неопределенна, определенность остается и лишь превращается из качественной в количественную. Поскольку всеобщность есть существенная определенность вещи, то качество положено в качестве несущественного, идеального, это и есть количество. Можно утверждать, что это вид собственности, который соответствует понятию. В эту собственность положена моя воля, эта собственность есть одновременно нечто особенное, соотносится с моими потребностями, эта сторона моих потребностей не единичная, особенная, но сторона моих потребностей вообще, особенное взято во всеобщее, но остается количественно определенным. Поскольку мой дом имеет ценность, я владею всем тем, что имеет ту же ценность, хотя его специфические свойства могут быть совершенно иными, чем дом.

К § 64

Гегель. Заметки, с. 267: Я затратил на мою рукопись совсем другие усилия — время, старание и т. д., чем те, которые затратит тот, кто ее купит; я продаю рукопись и хочу получить ее ценность в другой форме, а именно в деньгах — . Это неопределенно — ценность может упасть вследствие перепечатки.— Самый плохой роман может поэтому иметь большую ценность, чем наиболее основательная работа. Ценность зависит прежде всего от продажи, от вкуса публики.

К § 65

Грихайм, с. 228 след.: Поскольку вещи имеют ценность, мы рассматриваем их как товары ¹¹. Их значимость состоит в их ценности, и только в их ценности, не в их специфических свойствах. Количественная определенность, величина ценности, зависит от качественной природы ве-

щи, но не только от нее, а также от множества других обстоятельств. Большая или меньшая затрата сил при создании вещи, ее редкость, есть ли на нее спрос или нет — все это является определениями, которые превращаются в количественные.

Второй момент состоит в том, что ценность сама по себе становится предметной, что есть вещи, которые являются существенно ценностью как таковой, это — деньги. Таково самое осмысленное владение, достойное идеи человека. Таким образом, мы владеем вещами для наших потребностей только в качестве ценности. Сторона потребления здесь совсем иная. Поскольку собственность есть деньги, она имеет смысл только как ценность, здесь существует ценность как таковая.

Внешняя потребность в деньгах состоит в том, чтобы обладать средством обмена, общим масштабом для различных по своей специфике вещей. Рассудочная сторона заключается в том, что вещи, собственниками которых мы являемся, существуют в виде всеобщего. Поэтому деньги служат выражением рассудка, и, для того чтобы у какого-либо народа существовали деньги, он должен достигнуть высокого уровня образования. О природе денег было много споров, утверждали, что деньги служат средством обмена, служат выражением богатства; действительно, это верно в том случае, когда деньги обретают существование в качестве ценности как таковой. В качестве вещи они имеют особенные свойства и рассматриваются как товар, но это уже иное отношение, в которое вступают сами деньги, и поэтому оно нас здесь не интересует.

Формы товаров и денег суть формы нашей собственности, и, поскольку здесь мы имеем определение абстрактного отчуждения, мы отчуждаем товар или деньги вообще, однако вместе с тем в этом заключено и нечто другое, дальнейшая всеобщность, которую мы отчуждать не можем. Отчуждать деньги как некое количество я могу, я имею их только потому, что этого хочу, эту волю я могу из них изъять.

Теперь следует остановиться на третьем виде ценности. Владея всеобщим, я владею всеобщим внешних вещей, тем самым деньги суть реальное существование всеобщего. Это всеобщее есть не только внешнее, объективное всеобщее, но и субъективное всеобщее, всеобщее совсем другого рода. Я — собственник некоего всеобщего, которое принадлежит моей собственной внутренней всеобщности. Я обладаю умением, талантами, это тоже владение, в них я вступил во

владение собой. Это тоже можно называть потреблением, ибо только благодаря потреблению они становятся способностью нечто производить, и эти продукты обретают качество вещей как таковых. Своим умением я придаю вещам форму, образ для моей потребности. Здесь я делаю предметной в моей собственности не только мою волю, но также мой дух, мою внутреннюю сущность. Сюда относятся различные услуги, совершаемые для других; слуга также производит, создает изменения. Такими же внешними предметами становятся произведения искусства, науки. Во всех этих произведениях лежит нечто всеобщее, духовное, принадлежащее умению. Это также всеобщее и относится к ценностям вещей, составляет момент ценности вещей вообще.

К § 66

Гомайер, с. 263 след.: Если отчуждаются неотчуждаемые вещи, они могут сразу же быть затребованы назад, ибо право давности на них не распространяется (*Droits de l'homme*) ¹². (Не следует останавливаться на абстрактности этих прав человека), но сам по себе принцип, согласно которому нация, осуществлявшая отчуждение этих прав, может непосредственно вновь вступить в обладание ими, абсолютен.

Грисхайм, с. 238: Я обладаю собственностью, способен обладать собственностью, не могу отказаться от обладания собственностью, в противном случае я мог бы быть рабом. Это неотчуждаемо. Это всеобщее в собственности, возможность вообще обладать собственностью, и есть, следовательно, то, посредством чего я вообще сохраняю взаимосвязь, это моя способность иметь собственность, моя личность. От особенных модификаций духа в качестве такого, который есть в себе конкретно, имеет в себе определения, я отказаться не могу, поскольку они относятся к понятию духа, так же как нравственность, религия.

Гегель. Заметки, с. 277: Право на жизнь также неотчуждаемо, т. е. для произвола. Некто продает себя на смерть; деньги для его семьи или для другого их использования — тот, кто его покупает и убивает, калечит, — убийца. Кастрация — обучение хирургическим операциям, — удаление зуба.

К § 67

Грисхайм, с. 241: Но разница в том, что один является свободным человеком, а другой нет. Свободный человек свободно уступает другому свою продукцию, но не пол-

ностью, ибо в противном случае он отдавал бы все свое внутреннее умение, всю свою силу, и его внутренняя сущность перешла бы тогда во владение другого.

К § 68

Грисхайм, с. 239: ...Раб всегда имеет абсолютное право бежать, это право не устраивается давностью; даже в том случае, если рабство оправдано, гарантировано законами, оставаться у господина не является долгом раба. А как возместить ущерб господину раба, который *bona fide*¹³ покупал рабов и имел их, — дело государства. В Северной Америке, где государство сначала санкционировало рабство законодательным путем, а позже отменило его, оно выкупило рабов. Раб всегда имеет право разбить свои оковы; даже в том случае, если он рожден рабом, если все его предки были рабами, право его не уничтожается давностью.

К § 69

Гегель. Заметки (на полях), с. 287: Наибольшая часть немецкой литературы стала просто промышленным производством (фабричной продукцией) —

Грисхайм, с. 235: Во Франции к этому относятся значительно строже, особенно когда дело касается комедий. В нашей литературе это чувство чести больше не существует, оно вытеснено суэтным желанием создать нечто свое. В наших университетах каждый пишет свой собственный компендий, в каталоге каждой книжной ярмарки мы обнаруживаем полдюжины геометрий, учебников арифметики, назидательных произведений. Раньше считали, что проповедник проповедует слово Божие, руководствуясь одним учением, воспринятым его духом, теперь же каждый вращается в своих назидательных работах и в своих проповедях вокруг собственных назидательных представлений. Продукты среднего качества может производить каждый; что может один, доступно и другому, все они действуют на поверхности представления, и никто не совершает plagiarisma.

Законами против перепечатки кое-что сделано для писателей, однако при отсутствии должного чувства чести в нашей литературе законы не устраниют зла. Сначала следует защитить издателей, но затем и писателей от издателей. Последние могут подчас извлечь огромную прибыль, которую писатели извлечь не могут. *Шиллер* часто нуждался и умер в бедности, а его издатель извлек из последнего издания его произведений доход, равный, по подсчетам книготорговцев, 300 000 имперских талеров, во Франции

Шиллер имел бы, быть может, миллион франков. Справедливость требует, чтобы в таких случаях доходы делились. Однако в такой ситуации, когда публике предлагается столько посредственных произведений, такая макулатура, издатель выигрывает в одном случае, теряет в десяти.

К § 70

Гегель. Заметки, с. 293: Я господин своей жизни — любой другой также — *Гоббс*¹⁴: каждый человек может убить другого, — поэтому все люди равны. — Только я обладаю истинным суждением.

Каждый выносит суждение, достоин ли я того, чтобы жить — *Занд*¹⁵ — ничтожество — достоин ли я жизни — об этом только я должен иметь истинное суждение. Я меньше всего —

К § 71

Гомайер, с. 265: Собственность получает наличное бытие только тогда, когда лицо становится лицом для других, т. е. когда оно признается. Для того, кто сам свободен, свободны и другие. Деспот, рабовладелец не свободны, господин и раб находятся в одинаковом отношении; различенное от них, созерцаемое ими не есть свободное.

К § 74

Грисхайм, с. 249: Это есть процесс. Я хочу нечто, хочу всеобщее предмета, поэтому отказываюсь от особенного предмета. Этот отказ, это отрижение моей воли содержит вместе с тем утверждение, сохранение моей воли, всеобщее, ценность, и это стремление сохранить мою волю опосредовано тем, что воля другого передает мне нечто. Тем самым я изменяю мою собственность, отказываюсь от нее и сохраняю. Это представляет собой общее воление в некоем акте. Каждый участник хочет сохранить владение ценностью, всеобщее своей собственности. Это суть моменты договора, они являются опосредованиями различных моментов таким образом, что каждый из них одновременно также отрицается. Я отказываюсь от своей собственности и сохраняю ее, делаю это лишь постольку, поскольку это делает другой, и т. д.

К § 75

Грисхайм, с. 251—254: В реальности договора мы еще имеем дело с внешними вещами, с отдельными лицами, вступающими в договор друг с другом. На это следует обратить внимание.

тить особое внимание, так как в новое время определение договора стали применять к отношениям в государстве, государство стали рассматривать как договор всех индивидуумов со всеми и всеми в качестве таковых с правительством, с центром. Это воззрение возникло около пятидесяти лет назад, и можно сказать, что эта идея вызвала Французскую революцию и все последующие события. Упомянутая идея господствует теперь в мире и представляется справедливой. Между тем отношения договора не могут быть применены ни к браку в качестве нравственных отношений, ни в той же мере к государству. Природа государства этим не объясняется. Права, обязанности государства не устанавливаются произволом индивидуумов, который служил бы здесь принципом, между тем в договоре это происходит именно так, вещь в договоре есть отдельная особенная вещь, и моя воля также определена там как единичная случайная воля. То, посредством чего граждане государства тождественны, — это общее не есть общее произвола, а всеобщее, необходимое в себе и для себя. То, что они находятся в государстве, есть их существенная и субстанциальная цель, не зависящая от осуществления единичной цели. Поэтому отношения договора не могут быть применены к отношениям государства.

С одной стороны, государственные отношения связывали с произволом, благодаря которому правительства обретали авторитет и власть над теми, кто входил в государство. Как бы ни происходило это в истории, в силу ли патриархальных отношений или путем насилия, как это совершил Нимрод, быть может, отдельные индивидуумы избирали себе короля, эмпирически это могло происходить как угодно, государство могло возникнуть и вследствие того, что власть утвердила среди толпы, тогда установилось представление, что государство может быть приобретением и возникнуть посредством случайного захвата власти каким-либо правителем; в этом случае права правительства полагаются в форме частной собственности.

В Европе, особенно в Германской империи, это имело место в большей или меньшей степени; иногда дело доходило до того, что судебные функции, право назначать шульгейсов¹⁶ становилось собственностью какой-либо семьи, собственностью, которая покупалась у императора совершенно так же, как это совершалось в области частного права. Купив их, свободные города приобретали множество подобных прав.

Точка зрения, согласно которой право правителя про-

исходит из случайного приобретения и он владеет им как любой другой частной собственностью, положена в основу господином фон Галлером в его восстановление науки о государстве, где он рассматривает все права правительства как случайное приобретение господства.

В Англии политические права общины, страны являются в большей или меньшей степени частной собственностью. Право представительства связано с местностью, часто им располагает деревня, состоящая из 2—3 жителей или даже вообще не существующая больше как земля, ибо она поглощена морем; таким образом, политические права полностью носят характер частного права, которое может быть продано или подарено. Вследствие этого в целом господствует величайшая непоследовательность, что и наблюдается в Англии, поскольку осуществление блага государства зависит от произвола частных лиц. Здесь, как и в германской империи, отсутствует рассудок, так как во всем этом нет всеобщего принципа.

Теперь это изменилось. Мы требуем, чтобы сущность государства постигалась в соответствии с определенными принципами и чтобы господствовали всеобщие определения. Наш великий король Фридрих II¹⁷, король-философ, был первым, переставшим принимать во внимание особенные права по отношению к государству, он впервые положил в основу всеобщее благо. Теперь государством управляют в соответствии с определенными принципами, т. е. со всеобщими определениями, и особенное устанавливается в соответствии с ними.

Это исчезновение определения частной собственности, частного владения по отношению к государству является величайшим переворотом, преобразованием последнего века. Все то, что раньше было княжеской собственностью, частной собственностью князей, их право замещать должности, назначать судей и т. д., — все это или большая его часть перешла в определение государственной собственности, государственных земель, которыми, правда, распоряжается глава государства, но руководствуясь не произволом в качестве частного лица, а в интересах государства. Таким образом, эта форма правления исчезла, место этого отношения частной собственности, простого господства, должно было занять всеобщее определение, мысль. Тогда и было вместо него положено отношение договора, в первую очередь это сделал Руссо в своем произведении о *contrat social*¹⁸. На то, что это неверно, уже указывалось; подробнее это будет рассмотрено в разделе о самом государстве.

ве. Момент произвола подданных, их субъективная свобода, их вера, совесть, доверие, является существенным моментом, который нельзя игнорировать, в противном случае будет наличествовать лишь отношение господства, деспотизм. Этот момент нельзя игнорировать, это особенный момент в государствах нового времени, однако произвол единичного лица не следует превращать в единственный принцип, как это происходит в договорных отношениях. Поэтому в наше время вдвойне важно ознакомиться с этими отношениями в соответствии с их понятием, поскольку правительства по существу исходят из всеобщих определений и ощущается потребность принимать их во внимание; поэтому заблуждение имеет теперь значительно большее значение, чем прежде, так как единение заключено в стихии мысли, которая восприняла в себя все определения.

К § 80

Гото, с. 280: Таковы основные моменты, встречающиеся в договоре. Когда юристы откажутся от суеверной приверженности тому, что им следует сохранять деление римского права, они последуют самой природе вещей.

К § 89

Грисхайм, с. 270: Обман еще не преступление; преступление состоит в том, что я уверенно и свободно совершаю неправовые действия по отношению к другому, нарушаю право по своему желанию и показываю другому нарушение права, так что оно является для него таковым. При обмане это разделено, обманутый обладает видимостью права.

К § 91

Гото, с. 293: Народ может испытывать принуждение и все-таки умереть свободным, тогда он уже свободен от принуждения. В принуждении не заключено, следовательно, абсолютное оправдание воли, ибо принудить можно лишь того, кто хочет позволить себя принудить.

К § 94

Гегель. Заметки, с. 347: Насилие: в Риме евреи ежегодно должны слушать полемическую проповедь, направленную против них.— В Швабии мечтатели считали императора Наполеона мессией, 1000-летнее царство — никаких налогов и т. д., повиновение администрации; заключены в крепость и принуждены слушать проповеди.— Арестант подвергается в своей жизни всеобщему принуждению —

разрешается требовать выполнения того, что относится к обычной жизни, — принуждают даже есть, если кто-либо хочет умереть голодной смертью.

К § 95

Гото, с. 298: В религии первое принуждение называется первородным грехом, который в философском выражении есть природное в человеке. Человек несет первородный грех, еще не совершив ничего; в этом заключен глубокий смысл. Ибо человек не должен оставаться таким, каков он в своей непосредственности; это высшая заповедь религии. Человек от природы греховен, он должен снять свою природность и стать духом. Если же человек остается в природности своей воли, то это уже не первородный грех, а воля человека пребывать во грехе.

К § 96

Грисхайм, с. 278: Грабеж направлен против присутствующей воли, против непосредственного знания другого, а воровство нет. Последнее может казаться более подлым; мужество разбойников часто высокопарно описывается, с таким же успехом можно было бы описывать ловкость воров, однако все эти стороны имеют совсем иную направленность, но грабеж является большим преступлением, чем воровство.

Гото, с. 304: В Англии за любое воровство вешают. Граница краж, за которые караются повешением, является чисто произвольным позитивным определением. Граница должна быть положена, так как решение должно быть принято. В Англии повешение грозит за кражу в 40 шиллингов, во Франции — за кражу в 6 су. Следовательно, граница определяется совершенно произвольно.

К § 98

Грисхайм, с. 282: Например, убит человек. Семья лишается его помощи, его любви, отношения в семье не могут быть восстановлены, однако одна сторона, внешняя, отсутствие помощи, может быть возмещена, тогда выступает ценность. Это — обмен моей качественно особой вещи и т. д. на другую.

Если состояние таково, что преступление просто возмещается, то права, собственно говоря, нет. Там, где в качестве возмещения за калечение, убийство человека вносит-

ся какая-либо денежная сумма,— там человек, убийство которого возмещается деньгами, лишен права, он — лишь внешняя вещь.

К § 99

Гегель. Заметки, с. 361: Справедливость, как и истина, отсутствует, если все рассматривается только с субъективной точки зрения,— произвол, мнение *…* Все дело в справедливости, т. е. в разуме — т. е. в том, чтобы свобода обрела свое наличное бытие, а не в том, чтобы принимать во внимание чувственные побуждения и т. д., проявлять сочувствие, понимание.

Гото, с. 312 след.: Если преступление отпадает, если утверждается, что преступление вызвано или предотвращено страстью, то человек тем самым лишается чести быть свободным. Фейербах¹⁹ создал кодекс законов, исходя из кантовской философии. О характере его уголовного законодательства мы можем судить по одному примеру. В Баварии апелляционный суд второй инстанции является одновременно уголовным судом. Однажды объявились воровская шайка, похитившая сельскохозяйственные продукты с полей. В соответствии с уголовным кодексом Фейербаха преступление отягчалось тем, что воров было много, что похищены были продукты в поле и что воровство было повторным. Решением суда один вор был приговорен к 40 годам тюремного заключения, другой — к 30 годам и т. д. Однако в уголовном кодексе указывается, что тюремное заключение не должно превышать 20 лет. Поэтому можно было ходатайствовать о том, чтобы наказание в 40 лет было смягчено и заменено 20 годами. Решением короля наказание было смягчено и сведено к 8, 16 и т. д. годам заключения. Вслед за тем оказалось, что эти законы вообще слишком суровы, и декретами министров наказания были еще смягчены. В результате этих новых определений тот, кто был приговорен к 40 годам заключения, теперь получил 14 дней. Такова непоследовательность, происходящая из теории Фейербаха.

К § 100

Гото, с. 318: Для того чтобы государство могло распоряжаться моей жизнью при совершении преступления, нет необходимости в особой стимуляции, напротив, право государства заключено в самом деянии преступника, которым он сам признает, что его надлежит судить. Будучи убий-

цей, он устанавливает закон, что уважать жизнь не следует. Он высказывает в своем деянии всеобщее; тем самым он сам выносит себе свой смертный приговор.

К § 101

Гомайер, с. 277: *Jus talionis*²⁰ является естественным понятием в ощущении и испокон веку рассматривалось как основа наказаний. Лишь юристы нового времени с их умничаньем отказались от него, поскольку его нельзя дедуцировать. Трудность заключается в том, что преступление и его снятие представляли как различные по своей природе, следовательно, не признавали необходимого тождества обоих, того, что в преступлении уже заключено его уничтожение.

Гегель. Заметки, с. 367: Здравый смысл. То, что человек совершил, он должен испытать на себе.— Здравого смысла юристам уже было недостаточно; это было бы правильно, если только можно было бы доказать, постигнуть — .

Грисхайм, с. 292: В так называемом естественном праве возмездие стало смехотворным; например, слепой человек выбивает глаз другому, это ему не помогает, так же как человеку, потерявшему зуб, то, что он выбивает зуб другому, и т. д. Смешным сделать легко все что угодно, нам здесь достаточно показать определение ценности.

К § 102

Грисхайм, с. 293 след.: Наказание может иметь место только в государстве, вне его оно является мстящей справедливостью. Само слово «справедливость» (*Gerechtigkeit*²¹) происходит от слова «месть» (*Rache*). На ранней стадии развития государства справедливость есть месть, и от субъективной воли потерпевшего зависит, заставит ли он преступника претерпеть то, что он заслужил. Если, например, совершено убийство, то семья убитого берет на себя возмездие. Месть здесь вообще деяние возмездия, относящееся к особой воле, все зависит от того, хочет ли эта воля отомстить; человек может отвлечься от качественного и количественного объема того урона, который был ему нанесен, и может воспринять нарушение своих прав как бесконечное, поскольку он был поражен в своих правах как свободный субъект. Абстрактная свобода в качестве абстрактной не ограничена, не имеет определенного объема, следовательно, нарушение абстрактной свободы есть бесконечное нарушение, поэтому воздаяние также может быть бесконечным. Однако бесконечность свободы может быть

поражена не как таковая, а только в своем существовании. В мести, поскольку она является деянием особенной воли, прежде всего нет меры, так же как нет необходимости в том, чтобы месть была осуществлена. Месть является возмещением в форме случайности.

К § 105

Гегель. Заметки, с. 389: Не раб, не крепостной — свободный человек, реальный собственник.

К § 106

Грихайм, с. 301: Право имеет истинный смысл, лишь поскольку субъект его волит, тем самым субъективность воли есть наличие бытие права, и, наоборот, право субъективной воли состоит в том, чтобы в том, что есть право, присутствовала субъективная воля, чтобы мое понимание, моя цель составляли существенный момент того, что есть право. Это — великое право субъективной воли.

Свобода вначале только абстрактна, и все наше стремление направлено на то, чтобы конкретнее определить понятие свободы, которое заключается здесь в том, что она субъективна.

В нашей современности определению субъективной свободы с полным основанием придается столь большое значение и оно признается существенным. Это точка зрения моральности вообще.

В историческом аспекте здесь следует заметить следующее. Моральная точка зрения впервые возникла во времена Сократа. Афиняне сочли преступлением, что он перестал следовать законам отчизны, не верил в богов своей страны, не был более столь непосредственно нравствен²². Сократ создал точку зрения внутренней рефлексии, внутреннее размышление о том, что истинно, о том, что понятия Бога, добра, красоты, истины значимы не непосредственно сами по себе, но, для того чтобы быть признаны, должны проникнуть во внутреннюю сущность человека; даймоний Сократа — дух, который всегда отрицает²³.

К § 107

Гомайер, с. 280 след.: Для лакея нет героя не потому, что герой не является таковым, а потому, что лакей есть лакей. Человек хочет приблизиться к тому, что вызывает восхищение, — к великому, — он либо возвышается до него, возвышает свое понятие, либо снижает великое до своего уровня.

К § 113

Гомайер, с. 283: Поступок субъективной воли имеет непосредственно предпосланный предмет, а в своей направленной на него цели она имеет представление о связанных с этим обстоятельствах. Поступок производит изменение в наличном бытии, и воля постольку *виновата* в нем и в его последствиях, поскольку в них присутствует абстрактный момент моего.

К § 114

Гегель. Заметки, с. 405: Целое движется в противоречиях.

Грисхайм, с. 311 след.: Со строго правовой точки зрения мой интерес не имеет значения, все дело только в моей личности, здесь же значение имеет только моя воля, причем мой интерес составляет особенная цель. Ее достижение — мое благо. На точке зрения морали я еще не конкретно субъективен, а лишь субъективен вообще, тем самым интерес для субъекта представляет только непосредственное, предвиденное в природе, и его особенная цель состоит в том, чтобы этот интерес был удовлетворен его поступками.

К § 115

Грисхайм, с. 314: Часто говорят, если бы то или другое было или не было, революция бы не произошла. Образованные люди быстро отчаяются от таких «если», это пустая форма суждения; это «если» бессмысленно, и его особенно охотно применяют, когда ищут вину в частных обстоятельствах.

К § 118

Гомайер, с. 284: Если бросок совершен, последствия его непредсказуемы. В истинном поступке последствия должны быть заранее принесены в жертву. Наказание в качестве последствия имеет не только внешнее значение, но и обратное действие, направленное против нарушения.

Грисхайм, с. 321: Такой характер носит вина у древних народов, там нет невинного страдания, каждый, кто страдает, виновен. Действующие лица древней трагедии — герои, совершенно самостоятельные, свободные индивидуумы, которые вкладывают всю свою волю в то, что они делают. Эдип вменяет себе в вину свое деяние, невзирая на то, что он не знал, что убивает своего отца, он вменяет себе в вину свое деяние во всем его объеме. Он представлен как знающий, решивший загадку сфинкса, тем более он должен

вменить себе в вину свое деяние, и он полностью берет на себя его бремя; этим человека чтят больше. Таков характер героев, который нам изображают.

В современную эпоху интерес отношений состоит скорее в субъективности характера, в интенсивности индивидуумов, направленной на преодоление трудностей, в которые они оказались вовлечены, и вместе с тем не хочет оказаться невиновной. Драмам новейшего времени, где страдают невинные, свойственно поверхностное умиление. Здесь выступает нравственно превратное отношение, при котором воля не участвует в страдании, это страдание безвольного, не представляющее поэтому интереса. Такова судьба, человек не виноват, действует судьба, слепая необходимость. Совершенно неверно приписывать древним народам веру в судьбу, в их драмах она отсутствует, там действует только субстанциальная воля. Судьба у них — абсолютная справедливость, вера в то, что человек обладает волей и ему будет по справедливости воздано должное, поскольку это заключалось в его воле.

С. 322 след.: «Антигона» является возвышеннейшей драмой древнего и нового времени; Антигона хоронит своего брата, но тем самым она преступает законы государства, ибо ее брат, сражавшийся против своего отечества и погибший как изменник своей родины, не может быть похоронен. Поэтому Креон прав, присуждая ее к смерти, Антигона нарушила право государства, руководствуясь только нравственным отношением к брату. Семья и государство противостоят здесь друг другу. Все то, что представляется в новое время, не интересно в нравственном отношении. Главный виновник — ничтожный человек, который убивает своего друга, чтобы жениться на его жене; собственно говоря, естественно ожидать, что во второй сцене он будет повешен. В «Мессинской невесте» на обоих домах лежит древняя вина, каждый из братьев может с полным правом любить девушку, о которой идет речь, в бешенстве один из них убивает другого, в качестве судьбы здесь выступает любовная страсть, а затем дикая злоба, с которой они бросаются друг на друга. Здесь нет поступков, которые диктовались бы нравственностью, нет слепой неизбежности судьбы, а лишь воление индивидуумов, в основе которого лежит не субстанциальность, а зло.

К § 119

Грисхайм, с. 326: Dolus directus²⁴ относится, например при поджоге, лишь к первому кусочку дерева, но dolus

*indirectus*²⁵ содержит все дальнейшие последствия. Они связаны с природой самого поступка, который создает для этого возможность. Человек должен это знать.

К § 121

Грисхайм, с. 328 след.: Интерес, *interest mea*²⁶, я есмь лишь действующее, моя субъективная воля действовать и быть заинтересованным равнозначно, я должен присутствовать, когда я действую. Если я обусловливаю, чтобы это содержание имело место, я полностью в этом заинтересован. Поэтому человек должен сначала быть удовлетворен своей целью, тогда он удовлетворяется и ее осуществлением. Разумный человек должен сначала удовлетворить себя, именно поэтому он прежде всего и преимущественно действует, он удовлетворяет свое понятие, свою идею в себе, а не других, они могут быть удовлетворены или не удовлетворены, он хочет реализовать свое понятие, свой разум.

Требование, чтобы человек был лишен интереса, лишен возможности самоудовлетворения, пошло. Великие люди по преимуществу удовлетворяли себя сами, если бы они сначала спрашивали об этом других, то их действия были бы, несомненно, ничтожны.

К § 123

Гегель. Заметки, с. 443: Интерес — в том, что я присутствовал при этом, действовал — Гёте: мы танцуем уже три дня и ночи — о невесте все забыли — Солдаты Наполеона: мародерство, продвижение — слава, честолюбие.

Грисхайм, с. 332: Я конкретен, есмь не просто реальность как некое абстрактное свободное, моя конкретная природа выше моей абстрактной природы, и в конкретном заключен также момент блага. Поэтому действие, лишенное интереса, является пустым, фантастическим механическим представлением монахов. Требование абстрактного рассуждка сводится к тому, что человек не должен думать о себе, что ему надлежит жертвовать своим благом. Но человеку следует реализовать свою свободу, это составляет его главный интерес, в этом состоит его деятельность, другое — его благо в его особенности.

К § 124

Гото, с. 393: Действительный человек есть ряд его действий. Если совокупность его действий не имеет ценности, то и человек не имеет ценности. Внутреннее и внешнее должны быть фиксированы в этом тождестве.

Гегель. Заметки, с. 447: То, что человек должен, то он может, *Фихте* — Такие пустые общие слова. Для каждого различно то, что он должен — Моральная оценка людей, суждение о себе и других, о себе по сравнению с другими и о других по сравнению с собой.

К § 125

Гомайер, с. 285: Коллизия между *сердцем* и правом. Люди предпочитают быть великодушными, чем действовать согласно праву. *Благо всех людей* есть пустая абстракция. В противопоставлении праву благо всегда отступает —

Гегель. Заметки, с. 453: Счастье — в словах «благо» и «счастье» заключена своеобразная скуча — так как это неопределенная, пустая рефлексия.

Грихайм, с. 337: Моя единичность составляет ближайшим образом содержание в качестве моего блага, она логически возвышается до всеобщности, так как последняя есть истина единичности, я не могу способствовать своему благу, не способствуя благу других. С. 338: Всеобщее благо — пустые слова, даже если оставить в стороне умерших и будущих людей и относить это только к тем, кто живет одновременно, — как я могу содействовать благу китайцев, жителей Камчатки и т. д.? В Священном писании сказано разумнее: «Люби ближнего своего как самого себя», т. е. людей, с которыми ты связан и близок. Разговоры о благе всех — проявление пустой напыщенности, нужной для того, чтобы возвысить представление.

К § 126

Гото, с. 397: Возьмем такой случай, когда содействие благу других нарушает право. Тогда растроганности нет границ и благу отдается предпочтение перед правом, что часто в самых ярких красках рисуется в романах. Закон губит счастье индивидуумов. Это встречается и в обыденной жизни, где при высокой культуре существует такое *неимоверное* число несчастий. Несчастью многих можно было бы помочь очень простыми средствами, которые, однако, затронули бы свободное имущество других. Таким образом, перед нами борьба нуждающихся, а рядом с ней средство, которое могло бы им помочь; однако их разделяет непроходимая пропасть. Эта пропасть — право, противопоставление которого благу отнюдь не казуистическая коллизия, а всегда существующая и необходимая противоположность, и наиболее очевидно и остро оно в цивилизованном обществе.

Грисхайм, с. 341: Люди вообще более склонны быть великодушны, благородны, чем точны в уплате своих долгов, ибо в первом случае они действуют по своему особому намерению, в соответствии со своим решением, тогда как во втором совершают лишь обычное всеобщее. Святой Кристоффер был благочестивым человеком, но в порядочном государстве его поместили бы в работный дом.

К § 132

Грисхайм, с. 351 след.: В законе выражено добро, право; государственные законы суть выражение права, божественные законы суть таковые в еще более возвышенной форме; так, например, в иудейской религии Бог сам высказал, что есть добро, когда он дал Моисею законы, и тем самым люди узнали их.

У греков Антигона, например, говорит о вечных законах богов, никто не знает, откуда они, они суть, и люди повинуются им. Здесь форма законов в том, что они суть, следующая ступень рефлексии состоит в том, что они основаны на авторитете, даны Богом, правителем, законодателем и т. д. Когда существование законов основывается в нашем понимании на авторитете, то это уже рефлексия, они уже не непосредственны, а существуют посредством другого, это другое есть воля, и, для того чтобы законы имели абсолютную силу, эта воля должна быть абсолютной, такова божественная воля.

Возникает, однако, вопрос: действительно ли то, что законы объявляют благом, выражено в них божественной волей? Государство создает законы, обладает на то правом и властью. Государство есть воля людей, существовавших в прежние времена или существующих теперь, таким образом, это воля людей; но и я человек, у меня также есть воля и интеллект, другие могут заблуждаться, их авторитет не выше моего.

В этой форме рефлексии выступает требование к моей субъективной воле, чтобы я понимал, что я объявляю правом, благом и т. д., чтобы я был убежден в этом. Это является более конкретным требованием.

С. 353: Людям льстит, когда им говорят, что прежде всего они должны исходить из своего разумения и не подчиняться какому бы то ни было авторитету. При таком взгляде оказывается лишь, что один авторитет противопоставляется другому; я следую своим основаниям, то, что они имеют для меня силу, зависит, с одной стороны, от моего произвола, я хочу иметь эти основания; с другой стороны, они суть

нечто это существенное, существенное, которое я признаю в себе, но это может быть также просто мой авторитет, который я таким образом противопоставляю авторитету всего мира.

Однако авторитет государства, нравов и т. д. в огромной степени превосходит мой субъективный авторитет, поскольку первый есть всеобщее, противостоящее особенному, поэтому у меня должны возникнуть очень серьезные сомнения в силе моего авторитета по сравнению с такой властью.

Гегель. Заметки, с. 473: Пустое представление, что я завису только от своего убеждения и понимания — как особенного — Будучи ближе рассмотрены, эти основания, представления (могут быть такими тривиальными, известными способами представлений), что оказываются сами porчерпнуты из всеобщего потока представлений, и если они в самом деле выходят за пределы всеобще значимого, то лишь потому, что porчерпнуты из мусора, из плывущих по самой поверхности шлака и пены.

Гегель. Заметки, с. 469: Я могу ошибаться, но законы, правители также.

Гегель. Заметки, с. 475: Можно считать желательным, чтобы люди знали основания, глубокие истоки права — объективно в этом нет необходимости — доверие, вера, здравый разум, нравы составляют всеобщий объективный способ обоснования.

К § 136

Грихайм, с. 361: Совесть есть святое, неприкосновенное в человеке, она есть чистая уверенность в самом себе, свобода как предикат, в себе и для себя сущее, ничто гетерогенное в нее не привносится, совесть неприкосновенна в отношении того, что есть добро, она есть знание добра.

К § 137

Гегель. Заметки, с. 489: Множество людей проходит по улице, они говорят со множеством людей, я полагаюсь на то, что они не захотят ограбить, убить меня и т. п. — они направляются в мою сторону, они одеты (у восточных народов обыскивают). Если бы я предположил, что они обладают шаткой совестью, считают правым только то, что обнаруживают в своей субъективной совести, а обнаруживают они в ней только противоположное всему правому и нравственному, то я оказался бы в худшем положении,

чем находясь во власти разбойников, так как в последнем случае я знал бы, что они разбойники, эти же по своему внешнему виду, по своей манере говорить — даже на тему о религии, праве, добрे, совести — .

К § 140

Гомайер, с. 287 след.: Зло необходимо, но оно не должно быть. Быть нравственным означает доходить до противоположности злу, в противном случае добро лишь природно. Если в злом поступке выискивается положительная сторона как момент некоей целостности, рассматривается как добрая, то это лицемерие, частью по отношению к себе, частью по отношению к другим.— В настоящее время больше лицемерия, чем злых поступков.

К § 141

Грисхайм, с. 391: Это тождество только требуется, требование соединения постигается согласно форме требования; это — бесконечный прогресс, и оба остаются самостоятельными — субъект в качестве морального субъекта и добро для себя; дальше требования это не идет. Такое тождество является только задачей, которую надлежит решить, но решение которой — в ходе бесконечного прогресса. Добро должно всегда совершаться, но следует знать, что эта цель не будет достигнута, это — конечная цель мира.

Если бы она была реализована, если бы субъект стал нравствен, то субъективность отпала бы, добро имело бы силу от природы, и отпала бы также свобода субъекта; субъект свободен только в борьбе.

К § 148

Гегель. Заметки, с. 557: Обязанность есть право, наличное бытие своей воли.

К § 149

Гото, с. 490: Это является политическими мечтами, фанатизмом, выступившим во время Реформации, Французской революции.

К § 151

Гегель. Заметки, с. 567: Если законы дурны, то дурны и нравы.

К § 153

Гегель. Заметки, с. 568: Сократу.

К § 155

Грисхайм, с. 413 след.: Человек по существу имеет обязанности лишь постольку, поскольку у него есть права, у раба нет обязанностей, так как у него нет прав.

Применительно к нравственной субстанциальности обязанности и права тождественны, но между ними есть и отличие; у меня есть различные права и различные обязанности, граждане государства имеют другие права и другие обязанности, отец имеет иные права и иные обязанности, чем дети, но все эти различия подчинены и суть нечто более позднее по отношению к тождеству моих прав и обязанностей.

Муж имеет другие обязанности, чем его жена, а она в свою очередь другие, чем их дети, однако эти различия являются как бы лишь поверхностными узорами на основе семьи. Во всеобщем то и другое одинаково, эти различия обнаруживаются лишь внутри особенных организаций, в семье, в государстве, они предполагают наличие всеобщего в праве и обязанностях.

Особенное, которое есть обязанность, возвращается ко мне как право, тем самым я имею право, но, правда, другого содержания. По своему содержанию право отлично от обязанности, однако по ценности они остаются тождественными, так же как в договоре. Налоги, пошлины, и т. д., которые составляют для меня обязанность, мне не возвращают, но зато я обретаю обеспеченность моей собственности и бесконечное множество других преимуществ; они составляют мое право. То, что я совершаю, бесконечно отличается, правда, по своему качеству от того, что я получаю. Если эта ценность становится неравной, не остается тождественной, то в отношениях возникает надлом, они становятся неистинными.

Поскольку я совершаю свои обязанности по отношению к целому, я могу рассматривать себя как его член, и каждый индивидуум должен формировать себя в полезного члена государства, общности, а это означает, что он может служить средством. В этом отношении, но не по тому же содержанию я должен быть и целью, должен достигнуть и того, что я хочу, следовательно, то, что я совершаю, является также и средством самоудовлетворения.

Специфическая сторона может быть в этом взаимоотношении совершенно различной, но ценность должна оставаться неизменной, т. е. поскольку у меня есть обязанности, у меня должны быть и права. Точные подсчеты здесь носят только эмпирический характер. Должность в государстве

есть выполнение обязанностей и одновременно средство для достижения цели индивидуумом.

В форме права и обязанности тождество выражено в его противоположности, и обязанность представляется как нечто иное, чем право, она и действительно такова, но оба они необходимо связаны, или, другими словами, тождество является себя как необходимость. Выступить должны противоположности, которые, однако, по своей ценности в себе тождественны.

К § 158

Грисхайм, с. 421: Люди охотно выступают как чувствующие или любящие даже в государстве, отсюда — требование, чтобы правитель, правительство пользовались любовью, т. е. чтобы индивидуум имел в этом свою особенность. В сфере разума, а также в государстве в разумном состоянии особенная субъективность не получает удовлетворения; в отличие от сферы чувства признается не своеобразие индивидуума, а только его заслуги, другими словами, его образованность, его сноровка, умение в их общем выражении.

Охотно говорят о любви Бога к человеку. Любовь снисходительна, т. е. допускает значимость также и особенной субъективности, ею один человек отличается от другого; в сфере разума, рассудка особенная субъективность не имеет значимости, но в любви она эту значимость имеет, ее имеет человек как этот.

К § 159

Гото, с. 510 след.: Право как строгое право выступает, следовательно, тогда, когда семья в качестве семьи распадается и члены ее являются уже не членами семьи по отношению друг к другу, а лицами. Таким образом, строгое право выступает по отношению к семье в своей форме как распад семьи, ибо внутри семьи действия ее членов основаны не на строгих правах, а на убеждении в любви, на доверии.

Если умирает отец семейства, дети выступают в качестве лиц; или в том случае, если между членами семьи возникает вражда, ссоры. Тогда убеждения исчезают и выступает форма права; или если родители не предоставляют детям того, что они по понятию семьи должны были бы им предоставить. В этом случае убеждения семьи слабы, и,

поскольку семья, не вступив в стадию полного распада, тем не менее поражена в своей основе, может также выступить форма права.

К § 162

Грисхайм, с. 430—432: На вопрос, чего хочет мужчина, чего хочет девушка, когда они вступают в брак, следует ответить: он хочет иметь жену, она хочет иметь мужа.

Главное состоит в том, что девушка любит мужчину потому, что он должен стать ее мужем, хочет сделать ее своей женой, в ее сознании она обретает свое подлинное достоинство, свою истинную ценность, только став женой. Таким образом, мужчина становится ее судьей, и потому она любит его, так как именно он дает ей ее истинное определение и заинтересован в том, чтобы дать ей его. Мужчина более своенравен, чем женщина, он более самостоятелен вне брака, его определение не осуществляется полностью в браке, но для женщины это именно так. Поэтому мужчина может быть, с одной стороны, равнодушнее, чем женщина, но, с другой стороны, он придает большее значение своему выбору.

Девушка, в меньшей степени обладающая собственной волей, чувствует прежде всего, что хочет иметь мужа. Это не порицание, такова ее природа, и это главное, так же как то, что мужчина хочет иметь жену.

Если родители таким образом позаботились о своей дочери, она хочет только всеобщего, она получает мужа, и эта исходная точка не исключает момента любви, напротив, тогда именно она существует. Конечно, могут возникнуть препятствия вследствие отвращения, антипатии и т. п., но все это только в границах возможности, это не необходимо.

Затем девушка начинает любить своего мужа не только потому, что он ее муж, но и за его особенные свойства. К этому относится обычно вопрос: почему он женился на ней, почему она вышла за него замуж? На это можно ответить в общей форме: потому, что они были влюблены; но этот ответ носит общий характер, и можно задать следующий вопрос: почему они были влюблены?

Здесь роль играет случайность; основанием может быть какая-либо отдельная черта, поведение, внезапная фантазия, какое-либо свойство, воспитание и т. д., однако такие особенные свойства не составляют субстанциальности брака. Красота, привлекательность, обаяние, очарование, расудочность, сила могут угодить жизнь, но это не есть

субстанциальное в браке. Основное свойство брака заключается всегда в том, что девушка есть девушка, мужчина есть мужчина. В этом главное содержание любви и самого брака.

С. 432: Каждый творит для себя некий идеал, но в результате он получает совсем другое, не похожее на его идеал, его идеал вытесняется действительностью, и он забывает его. В браке действует также привычка, и часто при наиболье сильной любви всего труднее перейти к этому состоянию; при такой любви слишком большое значение придается чувству, собственному чувству, в результате чего легко возникают ссоры. Привычка друг к другу лиц, вступивших в своей единичности в брак, необходима, их частные свойства выступают прежде всего оттого, что оба они не состояли в браке, считали важным или неважным то или иное, и теперь они должны привыкнуть друг к другу; в браке воспитывается и мужчина, и женщина, они отказываются от своих частных свойств, привыкая к свойствам другого; в этом состоит деятельная жизнь в браке.

Гегель. Заметки, с. 587: Страстная любовь и брак — разные вещи.

К § 163

Гомайер, с. 299: Узы брака нерасторжимы. Эта мысль должна сдерживать особенное воление, другие любовные страсти — (...) Развод должен быть разрешен, поскольку внутренняя глубина убеждений и настроений подвержена случайному влиянию. Однако развод следует представлять как нечто такое, чего не должно быть, и он должен быть чрезвычайно затруднен.

К § 164

Грисхайм, с. 438 след.: Обычно мы встречаем здесь две точки зрения. Согласно одной, брак является связью, которая полностью входит в ведение церкви, согласно другой, он относится к кругу гражданских отношений. Однако такого противопоставления быть не должно. Дух семьи, пепнаты, поскольку он есть дух, носит по существу религиозный характер, ибо он касается внутреннего единства, которое есть в совести, во внутренней уверенности своей самодостоверности; поскольку религия служит основой брака, и хорошо, что церковь вступает в эту сферу, благословляет совершаемый акт, утверждает и признает его.

Браку присуща также сторона договора, но только применительно к внешним предметам, к имуществу и т. п.,

нравственное, духовное, то, что относится к сфере церкви, соединение или душевная связь не дело договора; согласие на основе договора, правда, накладывает обязательства, но касаются они только внешних предметов; любви и т. п. таким образом требовать нельзя.

Большой недостаток многих законодательств состоит в том, что брак определяется в них как чисто гражданский договор; чисто правовое внешнее государство, гражданское общество как таковое имеет якобы дело только с правовыми отношениями. Однако подлинное государство есть еще и нечто другое, нечто большее, чем просто защищает собственности, оно есть нравственное в форме нравственного, и брак как нравственный институт должен быть для него именно в качестве такового важным предметом его внимания.

Гегель. Заметки, с. 593: Девушка теряет свою честь, мужчина нет — так как у мужчины есть еще иное поле его нравственной деятельности в государстве.— У девушки нет — ее нравственность существенным образом существует в отношениях брака — иначе со стороны мужчины действует не это доказательство.

Любовь — может предъявлять различные требования, в качестве брака — В любви как таковой — все в единстве — нераздельно — чувственно и нравственно.

Однако именно в браке устанавливается отношение, при котором чувственное является лишь следствием.— Своим согласием на брак девушка также признает это —.

К § 166

Гото, с. 525: Это специальности мужчин. Отдельные женщины могут быть исключением, но исключение не есть правило. Женщины, специализирующиеся в этих областях, создают угрозу для самих этих специальностей.

Гомайер, с. 300: Акушерками женщины во всяком случае могут быть. Чисто положительные науки также доступны им, кулинарное искусство и юриспруденция. Тот, кто хочет, чтобы ему подавали выдающиеся кушанья, держит повара. В области мышления женщины достигают немногого. Связь причины и действия в меньшей степени их дело, так же как и искусство в его высоком определении, хотя в той мере, в какой оно переходит в особенное, они вполне способны его чувствовать. Украшения, рисунки цветов. Ни одна женщина не создала великого произведения искусства. Трудоемкие работы, вышивание.— Необыкновенное владение техникой игры на рояле.

К § 167

Гегель. Заметки, с. 599: Равенство. Однаковые права и обязанности — муж не должен обладать большей значимостью, чем жена.

Гомайер, с. 301: Права женщины должны так же соблюдаться, как права мужчины. Там, где полигамия, — рабство женщины. — Где женщины обладают властью, безнравственность — распад брака. Глубокое значение брака состоит в тождестве, выраженному как субъективное чувство, оно осуществляется только в том случае, если каждый индивидуум всей своей личностью входит в данное отношение и чувствует в нем всю личность другого. Если один из индивидуумов оставляет какую-то часть своей личности для себя, не совершается то, что соответствует понятию брака.

К § 171

Гегель. Заметки, с. 605: Основное определение общность — Это здесь разумно и существенно.

К § 174

Гегель. Заметки, с. 609: Дисциплина посредством авторитета и чувственности.

Грисхайм, с. 457 след.: Человек должен пройти путь дисциплинарных взысканий, его вожделения должны быть подавлены, его своеволие сломлено, и образ его действий должен стать моральным и нравственным. Человек мучается в состоянии послушания только потому, что его воля природна, подчинена вожделениям, влечениям, эта зависимость должна быть устранена. Дети должны быть послушны не ради послушания, а ради дисциплины, чтобы они, развиваясь, обрели свободную самостоятельность. Дисциплина внедряется авторитетом; возможность делать то, что надлежит, зависит еще от воли других, тем самым цель приходит к детям как нечто вне их наличное и происходит подчинение чужой воле. Кто не научился послушанию, не сможет и повелевать. Подчинение является прежде всего средством быть свободным человеком.

К § 176

Грисхайм, с. 462: Семья может быть разъединена разводом. Сам по себе брак нерасторжим, поскольку он нравствен, поэтому он должен быть выше страсти, вожделения, возможности нравиться, недостатков нрава; если же оказывается, что субъективные свойства супругов нарушают

нравственность брака, то необходимо вмешательство другого, имеющего силу авторитета, который бы поддержал право брака в его противопоставлении случайности настроения. Ссорящиеся стороны являются партиями, которые спорят об отсутствующем в них существенном. Против них в суде должно выступить субстанциальное, третье, нравственное в лице авторитета как такового. Это — авторитет пietета, духовного единения, ему надлежит довести до сознания сторон религиозную сторону, восстановить нравственное, показать его значимость, его внутренний смысл, представить его как долг и внушить, что оно выше мнения, субъективного чувства, выше случайной склонности.

В наполеоновском законодательстве вопрос о разводе рассматривается семейным судом, родственникам надлежит рассмотреть основания для расторжения брака и напомнить сторонам об их обязанностях, причем установлены очень большие сроки, в течение которых должны быть предприняты попытки к примирению.

Следовательно, семья может распасться, поскольку она «распалась» как брак.

К § 177

Грисхайм, с. 463: Возраст, в котором наступает совершеннолетие, должно установить позитивное законодательство; может оказаться, что для одного возможность для этого наступает на несколько лет раньше, чем для другого, однако необходимо общее решение, и разуму здесь большие делать нечего, приблизительно принимается некое среднее, и затем оно твердо устанавливается.

Достигнув совершеннолетия, дети выходят из ведения родителей, а тем самым лишаются и права на содержание родителями, ибо эта самостоятельность основана на личности, т. е. означает, что они способны обладать собственностью, могут и должны сами обеспечить свое существование.

К § 178

Грисхайм, с. 465: Имущество принадлежит семье сообща, она является одним лицом, имущество является собственностью этого одного лица, которое и есть семья. Поэтому в случае смерти члена семьи собственность остается, как и раньше, в семье, меняется только отношение в сфере распоряжения, управления, которые переходят к другим индивидуумам внутри семьи.

Гото, с. 557: В гражданском обществе индивидуумы становятся самостоятельнее, чем это было в патриархальных обществах. Семейные связи становятся чем-то второстепенным; дружба, служебные отношения создают более тесную духовную связь, чем отношения с далекими кровными родственниками, близость к которым основана только на природных узах, по сравнению с ними духовная близость имеет важное преимущество. Ибо ощущение единства между членами семьи все более теряется, а именно оно составляет здесь главное.

К § 179

Гото, с. 557: В пользу права завещания нельзя, собственно говоря, привести разумного основания, так как это — дарение в таких обстоятельствах, когда я уже не владею своим имуществом, а это бессмысленно. Следовательно, я даю вещь, которая мне больше не принадлежит, а это уже не есть дарение.

К § 180

Гомайер, с. 305: Волю умершего не следует уважать!! Это совершаются больше из пieteta переживших его, чем по праву. Завещания монархов редко принимаются во внимание.

Грисхайм, с. 469: Фамильные фideикомиссы имеют и политическую сторону, с которой они могут быть рассмотрены, в остальном государство не обязано считаться с ними; представление, которое лежит в их основе, состоит в том, чтобы гарантировать семью от внешней случайности.

Само по себе имущество по своей природе — нечто случайное, оно может быть увеличено и уменьшено, но прежде всего оно носит случайный характер из-за произвола людей, их поведения, и то обстоятельство, что у человека есть имущество, что он приобретает, сохраняет его, следует отнести прежде всего к его поведению. Фideикомиссы часто не ведут к тому, к чему они должны вести, часто они очень обременительны, так как человек должен свободно распоряжаться своим имуществом, его собственность — свободная, полная собственность в гражданском обществе, и он должен иметь возможность свободно распоряжаться ею.

Исходя из этих определений, связанных с природой вещей, государство не обязано принимать во внимание семейные фideикомиссы, дети могут их сохранять из пieteta, если хотят, или не сохранять; дело в том, что

существует два определения: во-первых, что имущество семьи обще и при делении того, что является внешними вещами, наследники имеют равные права; во-вторых, что собственность индивидуума, поскольку он ею обладает, является свободной полной собственностью, на нее не должна оказывать влияние, не должна оперировать ею воля другого, моя собственность должна быть свободной.

К § 182

Гомайер, с. 309: Каждое удовлетворение моих потребностей опосредовано, происходит посредством воли бесконечного числа других. Для этой цели я также должен придать себе всестороннюю форму всеобщности, отказаться от моей природной грубости — быть полезным и другим.

Я должен, стремясь к пользе для себя, хотеть и пользы для других. Высшее, что из этого возникает, есть проникновение в себя в качестве субъекта, моя внутренняя глубина образуется во мне и противопоставляется непосредственности существования; развивается всеобщность мышления; я не признаю ничего только потому, что оно зависит на авторитете; признаю только то, что совпадает с моим мышлением, с моим убеждением. Исчезает вера, простота нравов, религиозность — все то, что по своему содержанию, быть может, прекрасно, но заключено в форму несвободы для сознания. Сетованиям по поводу названного исчезновения должно быть противопоставлено высшее самосознание.

К § 183

Грисхайм, с. 473: Цель индивидуума эгоистична, но, будучи обусловлена всеобщим, она существенно связана с другими самостоятельными личностями, тем самым положена зависимость, и гражданское общество есть, таким образом, система всесторонней зависимости; эгоистическая цель может быть достигнута, обеспечена только в этой взаимосвязи. Постигнуть эту взаимосвязь саму по себе — цель нашего рассмотрения; гражданское общество есть внешнее государство, рассудочное государство, в качестве необходимого, ибо рассудок разъединяет различные принципы в качестве самостоятельных, он полагает определение, и оно должно быть само по себе значимым, рассудок не рассматривает его как момент некоего более высокого определения. Одним принципом является эгоистическая цель, вторым — ее переплетение с другими, рассудок разъединяет то и другое, поэтому создаться

может лишь внешнее, а не разумное единство, не единство понятия.

К § 184

Гото, с. 573: Если бы общество состояло только из неравных, оно бы распалось. Народ, который подвержен общей нужде, находится в состоянии своего распада, так как в основе сохранения всеобщности лежит благо особенности.

К § 185

Гото, с. 577: С одной стороны, следовательно, пассивная отверженность нужды, активная — возмущение в нужде и против нужды. Последствия этого состояния можно изобразить в печальных картинах, но тогда государство как такое, которое должно было бы стоять над этим жалким состоянием, находится на стадии болезни и упадка. В этом коренится и причина разложения государства.

Грисхайм, с. 475—479: Особенность безмерна, в ней нет абсолютного определения, так как она значима для себя; это — природность, вожделение, произвол внезапной фантазии, мнения, все это готово в любую минуту выйти из равновесия, и все, что может быть сдержано, должно сдерживаться рассудком, ибо над этим стоит всеобщность. Тем, что особенности предоставлено свободное поле действий, положен полный простор излишествам — роскоши, вожделению, различным склонностям и т. д. Это привело к утрате людьми нравственности, все особенное получает удовлетворение, оно затухает в нем, но мгновенно опять возникает, ибо удовлетворение есть только удовлетворение особенного, следовательно, не подлинное удовлетворение, которое получает завершение; оно лишь мгновенно, само может возникнуть только особым образом, и тем самым потребность сама собой возникает вновь. Человек ест, пьет, но он вновь голоден и испытывает жажду, и все приходится начинать сначала. Здесь нет границы, это область дурной бесконечности, несущественности.

Таково положение в гражданском обществе; нет никакой возможности установить границу того, что действительно должно быть потребностью, открываются новые средства для удовлетворения потребностей, и тем самым возникает потребность в новых средствах. Тогда это отношение является себя зависимым от некоего внешнего, особенно это ограничение имеет место по содержанию, оно имеет образ во-вне, и так, что это есть отношение к некоему самостоятельному внешнему. Тем самым я за-

вишу на этой стадии от случайных обстоятельств, от мои всеобщего, от произвола других. В гражданском обществе возникает крайность излишества, разрушения самого себя и других. Это — излишество, ибо здесь нет границы, каждая особенная потребность может быть для себя удовлетворена, человек может полностью отдаваться какой-либо склонности, пожертвовать ради нее всем остальным. Эта сторона, которой он так отдается, связана во внутренней идее существенно с другими, в силу этой связи она ведет к разрушению других определений. Жалкое состояние находит здесь свою сферу, так как здесь все случайно, случайно само удовлетворение, оно зависит от внешней случайности, здесь часто встречается физический и нравственный упадок.

Ужасающие описания жалкого состояния, к которому ведет удовлетворение потребностей, мы находим прежде всего у Руссо, а также у ряда других авторов. Все это люди, глубоко чувствующие ничтожество своего времени, своего народа, глубоко потрясенные бедствиями, изображающие связанный с этим нравственный упадок, гнев, возмущение людей своим жалким состоянием, противоречием между тем, что они могут требовать, и состоянием, в котором они находятся, ожесточение от сознания этого, издевательство над этим состоянием и наряду с этим горечь, злую волю, которые из этого происходят. Безусловно, все это существует в гражданском обществе, и в своем возмущении эти люди, способные глубоко мыслить и глубоко чувствовать, отвергли его и обратились к другой крайности. Они видели единственное спасение в полном отказе от такой системы и, не отрицая ряд преимуществ гражданского общества, все-таки сочли предпочтительным полностью пожертвовать ими и вернуться к состоянию, в котором нет таких многообразных потребностей, к естественному состоянию, подобному образу жизни североамериканских дикарей, в которой не может быть подобного упадка и подобных бедствий.

Платон устанавливает в своем «Государстве» те же основоположения. Он глубоко и всесторонне познал несчастье Афин и увидел, что причина этого несчастья заключается в себялюбии граждан, для которых нравственное целое, государство уже не было наивысшим и наивысший интерес представляла их собственная особенность; ее они часто и предпочитали интересам целого, интересам государства. Платон предложил такое государство, в котором был бы исключен принцип особенности, изгнано субъек-

тивное особенное; таким он нарисовал идеал нравственного государства.

Под идеалом часто понимают мечту, но идея есть единственно действительное, а идея в качестве действительной есть идеал. Но следует знать, что входит в идеал как таковой, необходимо сбросить со счета бесконечное число ничтожных случайностей, отнести особенность как таковую к случайности не означает удовлетворить ее. Конечно, идеал государства, где положение особенного было бы таким, каким его хотят видеть люди, не более чем мечта. — Платон нарисовал, следовательно, нравственное государство, т. е. такое, где идея государства соответствует реальному существованию этой идеи. Он столь последовательно исключил особенность, что индивидуум обладает здесь лишь всеобщим существованием, поскольку у греков идея не достигла еще той глубины, чтобы признать и особенное, представить себе такое состояние, в котором особенность могла бы действовать свободно и все-таки постоянно быть возвращаемой ко всеобщности. Платон исключил частную собственность, ибо, если господствовать должно только всеобщее, только оно должно быть душой, частная собственность существовать не может. Он исключил также в своем государстве семью, дети принадлежат не родителям, а государству, государство их воспитывает.

Как только выступила самостоятельная индивидуальность, которую мы в новое время называем обычно свободой, этот произвол индивидуумов, афинское государство больше существовать не могло. Это уже принцип христианских государств более позднего времени.

Государство должно быть таковым, чтобы оно, с одной стороны, сохраняло равнодушие по отношению к этому произволу, но чтобы, с другой стороны, произвол был с ним связан, не мог бы действовать, не вступая в систему государства, не мог бы получить удовлетворение иначе, чем соответственно принципу государства. Свободны ли при этом индивидуумы, например в силу понимания, — это их дело. Таким образом, государство должно заботиться, во-первых, о том, чтобы индивидуумы могли действовать по своему произволу, во-вторых, чтобы они были связаны с ним, в-третьих, чтобы эта связанность не проявлялась как внешняя власть, как печальная необходимость, которой необходимо подчиняться, чтобы в своем понимании люди примирись с этим и воспринимали связанность не как оковы, а как высшую нравственную необходимость.

К § 186

Грисхайм, с. 480 след.: Всеобщность, которая здесь осуществляется, суть предписания гражданского общества, законы, вообще государство. Люди как будто вынуждаются следовать государственному велению, его порядку, сохранять упорядоченное поведение, которое выступает как внешняя необходимость, как дело ума; человек следует законам, ибо в противном случае он не достигнет своей собственной цели, а она для него главное, следование законам служит ему средством осуществления своей цели. Поскольку законы проявляются как нечто внешнее, ему часто приходится временно отказываться от своих целей, но всеобщее не является его собственной целью, его волей.

Однако именно особенное возвышается до формы всеобщности. Человек обнаруживает, что законы способствуют достижению его цели, что он не осуществил бы ее без законов, таким образом, интерес особенной индивидуальности связывается со всеобщим, с существованием государства. Сила современных государств состоит прежде всего в том, что эта связь коренится не только в нравственности, но и в особенном интересе каждого.

К § 187

Гото, с. 580: Граждане суть частные лица, члены общественного союза, целью которого является особенное, и в той мере, в какой подобный общественный союз ограничен такой целью, гражданин есть *bouiergeois*²⁷; *citoyen*²⁸ в качестве политического члена государства как государства политического. В гражданском обществе цель есть частная цель.

Грисхайм, с. 482 след.: Требование таково: человек должен сделать себя полезным; это требование часто принимают с неохотой, так как при этом человек является лишь средством для других. Человек есть самоцель, но только через опосредствование другими индивидуумами, целым, его полезность связана с тем, что он может существовать в качестве самоцели, может достигнуть осуществления своей цели, и может он это, лишь будучи членом такой общности.

Гото, с. 582: Культурными людьми мы прежде всего считаем тех, кто делает все, как другие, не кичится своей частностью, тогда как в поведении некультурных людей проявляется частность, неловкость, состоящая в том, что они не следуют качествам и соотношениям предметов и лиц, с которыми связано их поведение.

К § 193

Грисхайм, с. 491: Потребности обретают многообразие благодаря взаимности, которая одновременно есть сторона всеобщности. Люди подражают друг другу, в этом истоки моды, каждый хочет иметь именно то, что есть у других, но, как только это достигнуто, этим не удовлетворяются и начинают стремиться к чему-то особенному, тогда другие в свою очередь начинают подражать этому, и так до бесконечности.

Так потребности вытесняют друг друга. В этом отношении мода — самое осмысленное, в следовании ей заключен известный смысл. В ней нет ничего определенного; поскольку потребности столь детализованы, столь частны по своему характеру, любой способ оправдан именно потому, что разумно не искать определения; самый разумный способ есть способ всеобщности.

Открытия в этой области — дело портных и прочих; смешно было бы, если бы какой-нибудь профессор изобрел одежду древних германцев. Что мода изменчива, не следует ставить ей в вину, она не является чем-то пребывающим, может быть и такой и иной, поэтому делают по-иному, отдавая такими изменениями должное случайности.

К § 195

Гомайер, с. 313: Роскошь: потребление индивидуума, превышающее то, что он производит.

Грисхайм, с. 493: Роскошь не останавливается в определенных границах; рабочие вносят большинство разнообразных предметов роскоши в область потребления. Будучи заинтересованы продать продукты своего труда, рабочие заинтересованы и в том, чтобы увеличить стремление к удобству, к наслаждению, найти новые средства, чтобы с их помощью увеличить потребности, вызвать у потребителей вкус к более утонченному удовлетворению потребностей, обратить их внимание на более тонкие различия.

Производители в значительно большей степени, чем потребители, заняты ростом разнообразия потребностей, открытием новых средств и тем, чтобы потребности потребителей все время росли.

Гото, с. 598: Невозможно отграничить естественные потребности от воображаемых. У Диогена²⁹ была кружка для питья, но, увидев, что какой-то человек пьет из руки, он выбросил кружку.

Грисхайм, с. 494: С ростом богатства народа, не столько

самых денег, сколько возможности использовать их как средство удовлетворения своих потребностей, с этим живым богатством, увеличивается бедность и нужда.

Мертвое богатство существует теперь только в виде кладов у казаков, татар и др., в цивилизованном мире существует только циркулирующее богатство, богатство, которым пользуются. Наличие такого богатства увеличивает зависимость и нужду; потребности чрезмерно выросли, их удовлетворение становится случайностью, и нужда тем сильнее, ибо средства к удовлетворению потребностей зависят от произвола других, от воли других. Обращаться приходится уже не к внешней природе, каждое дерево, каждое животное принадлежит уже не природе, а собственнику, тем самым зависимость значительно растет.

В той же пропорции, если не принимаются особые меры, например такие, как колонизация, вместе с богатством растет бедность. В Лондоне, этом богатейшем городе, нужда, нищета, бедность столь ужасны, что мы даже не можем себе это представить. Увеличиваясь, богатство концентрируется в руках немногих, и, как только возникает это различие, при котором большие капиталы находятся в руках немногих, это позволяет им без особых затрат добывать больше, чем доступно тем, кто имеет незначительное имущество, и тем самым различие все увеличивается.

К § 196

Грисхайм, с. 496: Лишь немногие продукты природы можно при утонченных потребностях использовать такими, как они есть; большинство должно предварительно пройти множество процессов переработки. Высшая необходимость состоит в том, что человек использует природу не непосредственно такой, как она есть, но перерабатывает ее; с одной стороны, он пользуется ею такой, как она непосредственно есть, с другой — в том виде, когда она уже переработана, ассимилирована им. Природа приходит к человеку как нечто уже переработанное им и является поэтому чем-то двойственным.

С. 497: Добывать я могу только у других, а именно моим трудом, ибо все уже является собственностью другого. Тем самым удовлетворение потребностей зависит уже не от непосредственного вступления во владение, а от труда вообще, это также является истинно разумным отношением. Удовлетворение потребностей должно, насколько это возможно, зависеть от самого человека, его деятельности,

его поведения, понимания, его рассудка, не от того, что дает добрая природа. Честь человека в том, что в его представлении он является главным.

Труд может представиться противоположным моральной точке зрения. Милосердие, великодушие состоит в том, что в нужде людям помогают дарами, не требуя за это возмещения работой; иногда даже случается, и это было, есть и поныне в ряде стран, что бедных, нуждающихся поддерживают, предоставляя им еду в монастырях, других благотворительных учреждениях и т. п. Средством для этого служит обычно труд крепостных, положение которых немногим лучше положения тех нищих, которых с их помощью кормят.

При правильном соотношении заработка должен быть связан с трудом; оплачивая рабочему его работу, я забочусь также об удовлетворении его потребностей. Тем самым цель оказывается достигнутой; но есть еще один момент: вместе с результатом его труда я признаю и его свободу, признаю, что он сам способен создать средства для удовлетворения своих потребностей, этим я выражаю ему свое уважение и признаю, что он может быть благодарен только самому себе, что он мне ничем не обязан.

В этом аспекте следует рассматривать многообразные расходы богатых; они многое приобретают, расходуют много денег; иногда утверждают, что они могли бы дать кое-что бедным, между тем, по существу оплачивая рабочих, они делают не меньше, чем те, которые совершают благодеяния; и значительно более морально оплачивать деньгами труд, чем дарить, так как тем самым одновременно признается свобода другого.

С. 499: Я надеюсь получить средства для удовлетворения своих потребностей только с помощью своего труда и создав трудом средства для удовлетворения потребностей других. В государственном хозяйстве эти отношения рассматриваются подробнее, причем таким образом, что все потребляемое есть одновременно средство, которое производится, т. е. каждый должен производить столько, сколько он потребляет. Пища потребляется, исчезает из владения, но она сохраняет человеку крепость, жизненную силу, а это служит средством производить другое, то, что человек потребляет, вновь становится продуктивным.

В государственном хозяйстве чистые потребители рисуются поэтому в весьма неблагоприятном свете; капиталисты, трутни общества, они непродуктивны, не создают средства для других, они располагают этими средствами, но

не создают их. Труд должен состоять в этой взаимности: он создает средства для удовлетворения потребностей, а они в свою очередь должны служить источником труда.

В результате этого формирования создается двойной аспект средства: во-первых, аспект природы, во-вторых, созданной мной формы, что придает ему особую ценность.

1 фунт железа стоит 1 грош, трудом я могу увеличить его стоимость больше чем в 10 000 раз, и тогда то, что дано природой, становится наименьшим, а мой труд, моя деятельность — главным. Почти все, потребляемое людьми, создано людьми, форма придана ему человеком, оно относится вообще к тому, что сделано руками человека, связано с его сферой; то, что создано природой, является, правда, существенным условием, но это наименьшее.

К § 197

Грисхайм, с. 500 след.: Развитие промышленности приводит к тому, что человек вынужден заниматься бесчисленным количеством вещей, что наряду с этим перед ним находится бесчисленное количество потребностей и средств; он обращается во все стороны, со всех сторон ему предлагают интересные развлечения, цели. Он должен обладать достаточной силой, чтоб не поддаться соблазну. С этим связана быстрота представления. Человек вынужден вращаться среди бесконечного многообразия, это облегчает ему процесс представления, связи, переход от одного представления к другому.

Это заметно повсюду. Сельским жителям нужно время, чтобы обрести какое-либо представление, но потом они с трудом освобождаются от него и все время к нему возвращаются. Человек, обладающий культурой духа, широкой образованностью, способен вести разговор на самые разнообразные темы. Деловой человек должен обладать не только способностью свободно проникать в суть непосредственного дела, полностью постигать его, но и способностью отстраниться от него, освободиться, перейти к другому делу и столь же серьезно заняться им —.

К § 198

Грисхайм, с. 501 след.: Труд трудится, деятельность производит, и производит она прежде всего отказ от самой себя, разрушение самой себя, она переходит в продукт, и это — единство формальной деятельности и цели. Труд в качестве человеческого труда поднимается до формы абстракции, формы, которую мы уже видели

в средствах и потребностях. В труде происходит спецификация различий, это — абстрактные различия, так возникает разделение труда, этот важнейший метод производства, при котором каждый человек всегда обрабатывает лишь одну сторону целого в труде; тем самым ремесло переходит в фабричное производство. Ремесленник производит конкретный, охватывающий многие стороны продукт, если же работа разделяется, то каждый рабочий занят лишь частью производства, ограничен специфическим трудом.

Этим в огромной степени увеличивается количество производимых продуктов. Человек, умело производящий булавки, может ежедневно произвести из готовой проволоки только 40—50 булавок, следовательно, 100 человек — только 5000, а при разделении труда можно произвести в 20, в 50 раз больше. Так разделяется каждый труд, в котором заключено еще нечто конкретное, в результате чего каждому человеку отводятся однообразные по своему характеру действия.

С. 502 след.: Труд становится все более тупым, в нем нет никакого многообразия, которое требовало бы вмешательства рассудка. Следствием появления фабрик является зависимость рабочих, в работе на производстве дух рабочих притупляется, они становятся полностью зависимы, совершенно односторонни и едва ли могут найти другой способ обеспечить свое существование; поскольку они полностью приучены только к этой работе, привыкли только к ней, они становятся самыми зависимыми людьми, и их дух притупляется. В дальнейшем труд становится все более механическим, и благодаря этому оказывается возможным передать его машине. Как только труд становится совсем простым, абстрактным, человек может быть заменен машиной. В Англии, чтобы заменить работу машин, понадобилось бы несколько сот миллионов человек.

Среди рабочих, особенно фабричных рабочих, которые из-за машин лишаются средств к существованию, легко возникает недовольство, и приходится находить для них новые возможности. Духовный результат всего этого сводится к тому, что человек может поставить вместо себя машину, орудие, пар, огонь и т. д., а сам только надзирать за ними. Так посредством совершенствования труда происходит отупление рабочих, и в конечном счете человек оказывается ненужным. Это только работа рассудка, и она продолжает развиваться и модифицироваться.

К § 199

Гото, с. 614: Удивительное, внутренняя необходимость заключается в том, что, в то время как каждый полагает, что он работает для себя, себялюбие оборачивается поиному и, стремясь к достижению своей цели, реализует цели других.

Чем больше человек расточает и использует для себя, использует все — свое имущество, свое время, свои мысли — для своего удовольствия, тем в большей степени он удовлетворяет потребности других, и никто не может откусить кусок хлеба, не предоставив тем самым хлеб другому. Следовательно, это себялюбивое желание есть самому является заботой о других. Во всем, что человек делает для себя, он способствует реализации целей других таким образом, что и цели других обусловливают работу для него.

С. 615: Тот, кому нужно многое, приносит гражданскому обществу больше пользы, чем раздающий ту же сумму в виде милостыни, ибо с первым способом трат связана деятельность других, применение их рассудка. Часто раздаются жалобы, что расточительность увеличилась, что все используется только для собственного удовольствия, тогда как раньше люди чаще занимались благотворительностью; однако это надо было бы скорее хвалить, именно это и есть разумное отношение.

К § 200

Гомайер, с. 315: Неравенство имущества является правом природы, особенности, ибо она есть различие.

Грисхайм, с. 509: Все люди разумны, это главное, но они от природы различны, это нельзя считать несправедливостью природы, ибо оно относится к стороне особенности, а в ней имеет силу естественный принцип. Создать одного человека разумным, другого неразумным было бы величайшей несправедливостью; он — человек только как разум, как мыслящее самосознание.

Следовательно, неравенство развивается в гражданском обществе. Здесь человек должен показать, что он собой представляет, он находится на сцене, где ему надлежит все произвести, отчасти подражание, отчасти нужда заставляют его напрячь все свои силы. Человек в качестве человека, следовательно в качестве особенного индивидуума, должен обрести существование, стать действительным, это относится к праву субъективной свободы, сво-

боды, которую мы очень ценим, особенно в новое время, когда каждый может стать тем, к чему он чувствует призвание —.

К § 201

Грисхайм, с. 511 след.: Сословия имеют двойное значение: с одной стороны, поскольку они принадлежат гражданскому обществу, они делятся на сословие земельцев, промышленное сословие и на всеобщее сословие; свое второе значение они обретают в политическом государстве, где существуют земельные сословия, провинциальные сословия, имперские сословия и т. д.

Однако это двойное значение не случайно; таково оно является пунктом существенной связи того, что составляет в гражданском обществе сферу особенности, и того, что необходимо в политическом теле. Чрезвычайно важно, чтобы политическое тело разделялось в себе, организовалось, расчленялось на отдельные органы, чтобы обладать жизненностью; то же относится к гражданскому обществу, и высшая абсолютная важность заключается в том, чтобы то и другое было согласовано —.

Сословия гражданского общества обладают общими потребностями, особенными интересами как таковыми. Эта сторона особенности должна быть связана с интересами политического государства, отождествляться с ними. Как уже было указано выше, государство как политическое тело содержит в себе свою нравственную необходимость, и индивидуум должен быть причастен ей, подчинять государству свою деятельность, быть готовым пожертвовать собой; это, с одной стороны, является чисто нравственным политическим долгом, но должно также корениться в области особенных интересов, в особенности индивидуумов. Здесь мы только напомнили об этой связи, об этой второй стороне, которую сословия должны обрести, здесь они выступают для нас только как сословия гражданского общества —.

К § 203

Грисхайм, с. 518: Это сословие хочет подчиняться простому праву, действующему простым способом, оно хочет, чтобы было принято решение. Есть, правда, крестьяне, склонные к сутяжничеству, например в Швейцарии, но в целом затяжное осуществление развитого правосудия чуждо крестьянам, они требуют простого вынесения приговора. Нет большего зла, большего неправа, чем реше-

ние передать землевладельцев в руки адвокатов. Совершенно необходимо, чтобы каждое сословие обладало формой правосудия, соответствующей его духу.—

К § 204

Грисхайм, с. 519: Промышленное сословие, сословие, связанное с производством, является главным сословием гражданского общества. В современных государствах оно достигло большого значения, и вся история нового времени вращается вокруг того, как промышленное и торговое сословие достигло такого веса по сравнению с другими сословиями — как с крестьянами, так и с дворянским сословием, имущество которого состоит в земле.— Для этого сословия характерно ненасытное, безмерное, безграничное стремление к наслаждению, которое может быть удовлетворено богатством. В гражданском обществе существует имущество, но имущество индивидуума этого сословия не столь постоянно, как имущество первого сословия; здесь господствует изменчивость, риск, влияющий на прочность состояния. Эта неопределенность владения является существенным моментом, и чем больше растет дело, тем сильнее становится эта неопределенность. С этим связана большая независимость, которая, однако, ненадежна.

К § 205

Грисхайм, с. 521: К этому сословию принадлежат военные, юристы, врачи, духовенство, ученые и др. Этому сословию существенно свойственна образованность; существенна она для него потому, что его делом является всеобщая цель, содержание которой имеет форму всеобщности; активность этого сословия всеобщая, для всеобщего, всеобщим способом. Здесь преимущественно сосредоточена образованность, а поскольку это так, то в его ведении находятся право в государстве, целостность государства, законы, наука, искусство и т. д., в нем они пребывают, дух государства как таковой доверен этому сословию.

К § 207

Грисхайм, с. 525: Для нас, немцев, привычен вопрос: кто он? Если он не принадлежит ни к какому сословию, то ответ гласит: он никто. Человек есть нечто лишь постольку, поскольку он принадлежит к особенному сословию.

К § 209

Грисхайм, с. 531: Поэтому недопустимо a priori давать определенному народу конституцию, правовую систему, как сделал Наполеон в Испании. Правовая система должна иметь существование, а оно должно быть адекватно праву в себе. Сторона существования сама по себе не разработана, чтобы она могла стать существованием права, право должно быть разработано в самом себе в существующее право, так же как существование, чтобы оно могло стать существованием права.

Каковы были бы последствия, если бы эскимосам дали земельное право? Одно не может вторгнуться в другое, понятие не может вторгнуться в существование, бесконечное — в конечное, если существование не соответствует понятию, если конечное не бесконечно в нем самом.

К § 212

Грисхайм, с. 538: Закон может по своему содержанию отличаться от того, что есть право, так как положенность для себя есть внешнее существование, значимость, высказанность, сила и обладание властью, вследствие чего закону повинуются; то, что значимо по своему понятию, может отличаться от этой формы существования. Могут существовать весьма определенные законодательства, содержащие подобные неправовые определения. Так, существует законодательство о рабстве, кодекс о положении негров на Вест-Индских островах, но само по себе рабство неправомерно; таким образом, то, что имеет силу, и то, что есть право в себе, может быть совершенно различным. Поэтому в позитивном праве то, что закономерно, есть источник познания того, что есть право, или, собственно говоря, что правомерно. То, что само по себе, согласно разуму, есть право, и то, что содержится в определенном законодательстве в качестве действующего права, составляют две различные категории. Если кто-либо скажет юристу, что тот или иной закон не соответствует понятию, то юрист ответит ему, вероятно, следующее: «Милый мой, вы этого не понимаете», и затем он доведет суть данного закона до сознания, объяснит его, показывая, что он правомочен, поскольку был определен таким-то императором, таким-то претором, таким-то постановлением сената, вошел в это законодательство, находится в связи с этими определениями и тем самым с необходимостью следует из них.

Так он поясняет, приводит основания, уясняет дело,

но все это относится к сфере бытия закона и выводит то, как это право вошло в сферу существования. Этим раскрывается рассудочная сторона, но если размышлять, исходя из понятия, то это уже иное понимание, и, таким образом, дело, конечно, не понято, т. е. не понято в той категории, которая значима для другой сферы.

К § 213

Гото, с. 651: В древних законодательствах часто встречаются заповеди морали, однако в качестве положительных законов они были бы лишь законами тирании.

К § 219

Грисхайм, с. 556: Судья не является мстителем; месть также есть осуществление справедливости, но она связана с интересами, с определенными чувствами и частными интересами, от этого зависит осуществление справедливости, которое произвольно и может оказаться несправедливым. Судья должен быть холoden, его сердце и душа должны молчать, его интерес должен заключаться только в том, чтобы был соблюден закон. Это предполагает культуру гражданского общества, чтобы человек привык определять свои действия, исходя из всеобщего.

К § 221

Грисхайм, с. 557: Член гражданского общества должен вести свое дело, обвинять и защищаться; право, которое должно быть ему предоставлено, является его собственным правом.

Однако индивидуум должен не только физически предстать перед судом, но и понимать, в чем его значение. Если правосудие отправляется на основе неизвестного, чуждого, неопределенного права, распадающегося на отдельные решения, термины которого даны в чуждой терминологии, то физическое присутствие перед судом ни к чему не ведет, познающий, постигающий человек там отсутствует, человек предстает перед судом лишь телесно, а не как сознание.

К § 224

Грисхайм, с. 561 след.: Это очень важный пункт. Прежде всего следует заметить, что может возникнуть представление, будто в применении к нынешним обстоятельствам это — новшество, революционный институт. На это следует возразить, что гласность судопроизводства явля-

ется чисто немецким институтом и в ряде местностей существовала еще совсем недавно. Я помню, что у себя на родине мне приходилось присутствовать на публичных судебных разбирательствах даже тяжелых уголовных преступлений. После окончания следствия именем князя адвокатом публично оглашалось обвинение, после чего следовало также публичное выступление защитника. Открытыми были и заседания по гражданским делам высшего апелляционного суда при Тюбингенском университете, причем ассистировали часто студенты юридического факультета. Этот и другие подобные примеры свидетельствуют о том, что гласность судопроизводства не является новшеством, новшеством является скорее то, что суд перестал быть гласным.

Второе замечание сводится к тому, что отсутствие гласности судопроизводства связано с введением римского права, поскольку ведение дела стало совершенно непонятным, а там, где действует чужое право или право на чужом языке, где нет определенного кодекса, гласность не имеет никакого смысла.

Грисхайм, с. 565: Судья должен выносить приговор на основе законов — это правило, он является лишь органом законов. Будучи назначен судьей, он обладает публичным доверием, доверием князя, ведомства, предоставившего ему эту должность; в этом отношении суды могут завоевать большое признание, так, например, в Германии прусские суды давно уже известны беспристрастностью своих приговоров. Хотя эта сторона деятельности судьи, несомненно, существует, но есть и другая сторона, которая состоит в том, что судьи не могут быть только органом законов.

Судья не только осуществляет законы, он является здесь и деятельной стороной, его точка зрения, его мнение и т. д. оказывает влияние на ход дела, он должен присутствовать при этом как особенное лицо, отсюда и его мнения, взгляды, склонности, влечения, частные интересы, всегда присутствующие в единичном человеке. Приговор состоит из двух элементов: один из них — закон, второй — мнение, точка зрения, характер судьи, и эта вторая сторона в значительной степени существует.

С. 567: Гласность судопроизводства часто связывают со свободой государственного устройства, эта свобода состоит в том, что общественность получает право субъективного сознания судить о характере судопроизводства. Те, кто осуществляют право, могут удовлетвориться всеобщим доверием, но с ростом рефлексии общественность

с полным основанием претендует на это право, в нем она обладает дополнительной гарантией против субъективности судей, против инертности, апатии, невежества и т. д. Противовесом всему этому служит гласность судопроизводства.

К § 225

Грисхайм, с. 567 след.: Первая часть — дело присяжных, вторая — судьи. Суду присяжных надлежит вынести решение только по первой части правового процесса; дальнейшее входит в сферу рассмотрения и решения судьи. Это различие обнаруживается в самой природе правового процесса, и следствием его является то, что различие возникает и в самом характере суда.

Впрочем, суд присяжных не следует противопоставлять, как часто делается, другим судам, будто он состоит только из присяжных и в нем вообще нет собственно судей. Присяжные могут выносить решение только по одной стороне дела.

С. 569: Главное состоит в том, чтобы в судопроизводстве можно было отделить суждение о составе преступления от суждения, что в данном случае соответствует закону. Присяжные составляют ту часть суда, которая сообщает о составе преступления, но не все суды являются присяжными, и необходимо настолько разделить обе стороны, чтобы установление того, что соответствует праву, принадлежало бы только действительным судьям как таковым.

К § 227

Грисхайм, с. 574: Все лица, выполняющие какую-либо функцию, совершают то, что они совершают, руководствуясь своим суждением, своей совестью, своим мнением, убеждением; назначить человека судьей, предоставить ему должность означает отдавать предпочтение его совести, его мнению. В суде присяжных двенадцать судей обладают одной совестью и высказывают свое мнение в соответствии с ней, в публике также каждый имеет совесть и составляет свое мнение соответственно ей. Каждый судья должен иметь совесть, она имеет силу, и в этом заключается привилегия судьи, совесть остальных не имеет силы, другими словами, они не судьи. В отношении совести те и другие равны, но совести судьи дано право выносить приговор. Совесть присяжных толкует состав преступления, который состоит из чувственных элементов; сюда относится чувственное представление

преступника, свидетелей, поведения всех и т. д. Это оказывает известное влияние и должно его оказывать, так как относится к сфере совести. После того как присяжные огласили свое решение, больше никому говорить не следует; обстоятельства, вызвавшие их решение, не надо заносить на бумагу, в них отражена субъективная очевидность; это относится как к суду присяжных, так и к любому другому суду. С. 569 след.: Значимость суда присяжных часто видят в том, что судья должен принадлежать к тому же сословию, что обвиняемый, должен быть человеком его круга; однако это — особая точка зрения, другая сторона дела; так может быть, но может и не быть, это уже иное обстоятельство, и здесь мы им заниматься не будем.

Но можно это определение понимать и превратно, ибо ясно, что принимать его следует всегда ограниченно. Преступник не может быть судим преступниками, хотя по существу они ведь люди его круга.

К тому же люди одного круга с преступником, принадлежащие к определенному сословию, могут иметь известные предрассудки, которые государство, суд признать не могут и должны выступить против них. Так, ремесленники, торговцы, шкиперы, извозчики полагают дозволенным преследовать своего рода выгоду, которая, собственно говоря, является обманом, например фальсифицировать нацитки, обвшивать и т. п. Это люди данного сословия не считают проступком, поскольку сами они делают то же самое, поэтому они провозглашают обвиняемого невиновным; или же они, напротив, захотят повредить ему, чтобы таким образом избавиться от одного из конкурентов.

Подобными специфическими свойствами, приносящими вред другим, обладает каждое сословие, каждая профессия. Если чиновника, допустившего притеснения, будут судить другие чиновники, то наказать его окажется затруднительно, ибо судьи сами являются чиновниками и подчас попадают в аналогичное положение; они выгораживают друг друга, защищая от государства и подчиненных. Нет ничего труднее, чем добиться наказания чиновника. Следствие, приговор и т. д.— все это совершается людьми его круга. То же происходит с человеком из черни, где существует специфическое отношение к другим ему подобным и к людям более высокого положения; его товарищи не обидятся, если он оскорбит их, полицию или начальство.

С. 575: В чем же смысл того, что обе эти функции осуществляются различным образом, что различные функци-

ции передаются различным лицам? Всеобщий интерес заключается прежде всего в том, чтобы различные работы, действия, интересы управлялись различным образом, осуществлялись разными индивидуумами; важнейший принцип образованности состоит в том, что совершается разделение различного.

Эта уточка зрения необходимости разъединения встречается и в судопроизводстве и имеет большое значение. В новое время полиция и суд разделены; раньше судья был одновременно и полицейским чиновником, а, сверх того, также управляющим доменами, сборщиком налогов и т. д. Полиции надлежит доставить подозреваемого для проведения следствия, проверить основательность подозрения, выяснить внешние обстоятельства дела, вероятность обвинения; подозрения, предположения далее расследуются судом. То обстоятельство, что деятельность полиции и судопроизводство разделены, имеет величайшее значение, и в цивилизованных государствах нового времени обе эти инстанции все более отделяются друг от друга.

Следовательно, прежде всего необходимо вообще разъединить эти две сферы, потому что они различны. Даже там, где их деятельность еще объединена, важно, чтобы суждение о составе преступления происходило отдельно от подведения его под закон; дурные отношения смешивают то и другое, хорошие — разъединяют.

Но все это относится к области всеобщего интереса. Дальнейшее заключается в том, что точки зрения могут быть в делах не только различны, но даже противоположны. Судья обязан применить силу закона как такового, и тем самым его интерес совпадает с интересами сторон, но его интерес также и отличен, так как то, что он говорит, является в гражданских делах одновременно злом, убытком, вредом для одной из сторон, в уголовных — для главной стороны; следовательно, слова судьи направлены против субъективности и тем самым против одной из сторон; но ведь он должен быть совершенно беспристрастным, высказывая же свое мнение в соответствии с законом, он неизбежно выступает против одной из сторон.

Это есть всеобщее; само по себе оно лишено какой-либо субъективной стороны. Напротив, сторона расследования, установление состава преступления, относится к субъективной стороне. Таким образом, судья должен быть беспристрастным и все-таки выступить в своем решении во вред какой-либо из сторон; это — противоречие в самом себе. Так же как полицейский чиновник не может быть

беспристрастным в применении закона, не может быть в данном отношении таковым и судья.

Полицейский чиновник устанавливает слежку за подозреваемым, прибегая часто к хитрости, принося жертвы, поэтому он заинтересован в том, чтобы его усилия были оправданы, чтобы его предположение было подтверждено, и тем самым по самому характеру его деятельности его интерес находится в противоречии с субъективностью обвиняемого; поэтому интересы полиции следуют отделять от интересов судопроизводства. Эта точка зрения, устанавливающая, что судья должен, с одной стороны, быть беспристрастен, с другой — вынужден выступать против субъекта, важна, она полагает судью в противоречие, и осужденный склонен поэтому считать судью, вынесшего приговор не в его пользу, не беспристрастным, ведь он видит, что судья настроен против него, а судья должен быть в отношении субъективной стороны беспристрастен.— С. 578—580: В судах, которые не являются по своему типу судами присяжных, требуется признание обвиняемого, в судах присяжных это отпадает.

Требование признания придает законодательству высшую честь, так как признание обвиняемого создает наибольшую достоверность, с этим нельзя не согласиться. Одно дело, когда доказательство преступления основано на комбинации свидетельских показаний, выяснении обстоятельств, и совсем другое, когда преступник сам говорит: «Я это сделал». Такая достоверность превосходит все комбинации данных, она является достоверностью в своей наиболее существенной форме, и получить такую достоверность, такое совпадение признания преступника с судебным расследованием делает честь, как уже было сказано, законодательству.

Одна сторона состоит в том, что требуется согласие осужденного с законом; оно заключается в том, что он знает закон, а применение закона должно быть таковым, обладать такой ясностью, чтобы это согласие следовало само собой. Таким образом, согласие с законом с этой стороны обеспечено известностью законов, на основании которых судят обвиняемого; он мог бы сам подвести свой проступок под определенный закон.

Вторую сторону составляет установление состава преступления, чтобы тем самым согласие обвиняемого совпало с тем, что установил, узнал суд об единичном случае. В этом выражается уважение к самосознанию, к свободе обвиняемого, поскольку и здесь требуется его

согласие. Преступник признает себя виновным в совершенном им проступке, и тем самым убеждение судьи предстает тождественным с его убеждением.

Этот момент существует и в судах, где нет присяжных, где в самих судах выясняются и фактические обстоятельства дела. Следствием этого является, однако, что, будучи последовательным, это законодательство, судопроизводство должно признавать применение пытки, как, например, порядок уголовного судопроизводства императора Карла V³⁰; там, где он еще сохранил свое действие, как в Саксонии, сохраняет свою силу и требование пытки; суды лишь устранили его, другими словами, у них есть кодекс, но они его не применяют.

Признание в вине зависит от воли, от упрямства обвиняемого; преступление может быть полностью доказано, судья может быть полностью уверен в своих доводах, недостает только признания, и, если судья не согласен обойтись без него, он вынужден применить пытку. Однако и пытка является весьма ненадежным средством обрести достоверность, добиться признания вины. Нечувствительность к физическим страданиям, упорство, способность выносить боль, мысль, что признание повлечет за собой смертный приговор,— все это может в ряде случаев привести к тому, что человек выдерживает муки пытки. Но еще в большей степени вероятно, что страдания могут заставить невиновного признаться в том, что от него требуют; именно эта ужасающая возможность заставила отказаться от применения пытки. В период расцвета римского права пытка применялась, в результате чего еще в начале восемнадцатого века весьма ученые доктора посыпали на костер ведьм. Сеногизом в остальном культурного народа является то, что после Реформации сжигали больше ведьм, чем раньше, и в протестантских странах едва ли не больше, чем в католических —.

Следовательно, применение пытки является необходимым следствием требования признания. В земельном праве Пруссии вышли из положения иным, достаточно непоследовательным образом. Преступников не пытают, следовательно, все упирается в контрверзу — он не признается, а признание необходимо; что же делать? Своего рода пытка, правда, применяется — одиночное заключение, плохая еда, вода и хлеб, запрещение чем-либо заниматься,— но это еще не настоящая пытка, она не разрешена, поэтому пришли к мысли ввести чрезвычайную меру наказания. Она не должна достигать степени обычного наказания по

закону, и, таким образом, все еще сохраняет отрицание известное преимущество. Такова одна сторона. В ней заключен принцип требования признания в вине.—

С. 584 след.: Таковы основные точки зрения, которые должны быть установлены по поводу суда присяжных. Форма судопроизводства, действующего в государстве, является существенным пунктом; судопроизводство является одним из важнейших институтов государства; размышлять о нем, знакомить с ним, вообще знание таких институтов значительно более важно, чем многое из того, что болтают о всеобщей свободе, всеобщем либерализме. Людей, для которых важно право, можно делить на тех, кто удовлетворяются общими декламациями, и тех, кто вникают в определенные особенности, делают их предметом своего изучения и стремятся достигнуть их познания.

К § 231

Грисхайм, с. 587: Полиция здесь наиболее подходящее название, хотя в обычном смысле оно имеет более ограниченное значение. С. 616: Регулирование внешних отношений, постижение хода необходимости, знание его и управление им, поскольку это возможно,— таковы точки зрения полиции.

К § 236

Грисхайм, с. 596: В этом отношении в новое время выставлен принцип, согласно которому следует предоставить все своему ходу; как только возникнет потребность, найдутся и средства удовлетворить ее, это произойдет само собой. Раньше правительства, стремясь поддержать промышленность внутри страны, накладывали запрет на ввоз товаров, затрудняли ввоз товаров из других стран налогами; одной из сторон косвенных налогов всегда является стремление предоставить своей промышленности преимущества по сравнению с промышленностью других стран, для развития промышленности предоставлялись также привилегии. Теперь же против всего этого решительно выступают, объявляют себя непримиримыми врагами всех этих средств; господствует принцип: все это произойдет само собой.

Здесь следует особенно принять во внимание два пункта. Первый состоит в противоположности интересов производителей и потребителей. Полагают, что все сами будут остерегаться понести ущерб, каждый будет стараться не потерпеть убытка; пусть покупатель будет осмотрителен.

Производителям разрешается производить товары как им заблагорассудится, — если их товар плох, его никто не купит. Раньше это очень строго регулировалось. Так, например, во Франции существовали точнейшие указания в области производства товаров из шелка, который должен был всегда обладать одинаковым качеством. Теперь же, напротив, считается, что, с одной стороны, потребители могут сами заботиться о качестве товаров, с другой — дело производителей поставлять такие товары, какие они считают нужными. В общем это совершенно правильно; безусловно, было очень много ограничений, вызванных мелочностью и близорукостью.

С. 598: Второй пункт состоит в том, чтобы публика не была обманута при предложении товаров. Производители заинтересованы в производстве и имеют право зарабатывать себе на хлеб своей продукцией, проявлять свое умение; они предлагают товар потребителям, заинтересованы только в своей продукции; таким образом человек, занимающийся промыслом, произведет свою продукцию и произведет ли он ее вообще, считают его делом.

Но с другой стороны, публика заинтересована в том, чтобы ей предоставляли то, в чем она нуждается, производители берут на себя обязательство предоставлять товары для удовлетворения потребностей, и тем самым они обязаны эти товары предоставлять. Интересы публики обычно оказываются вне сферы внимания, однако отношение, о котором идет речь, в гражданском обществе по существу обоюдно.

Одна сторона — естественная необходимость, которая гарантируется потребностью других производить и тем самым извлекать выгоду; однако это не физическая необходимость, они могли бы перестать производить и поставить потребителей в затруднительное положение; но в гражданском обществе им предоставлено право поставлять товары, публика нуждается в их труде.

Иногда случалось, что все подмастерья цеха, будучи недовольны мастерами, отказывались работать; может случиться, что они все добровольно идут на это, или что отдельных лиц заставляют другие, или что лишь немногие продолжают работать, удовлетворяя потребности общества; тогда против таких мастерских с полным основанием применяется закон. Потребности, удовлетворять которые они взялись, должны быть удовлетворены, они обязаны производить, публика требует от них работы и может придать этому требованию силу. Гражданское общество основано на

том, что никто не может освободиться от данного требования, все в нем обусловлено работой всех. Это должно оказывать свое действие и в случае особых притязаний. Евреев можно поэтому заставить не закрывать свои магазины по субботам, поскольку это необходимо для удовлетворения потребностей публики. Тот, кто занимается определенным промыслом, берет на себя обязательство удовлетворять потребности публики, и ему можно поставить условием вести свое дело так, как это необходимо для удовлетворения этой потребности. Евреям можно сказать: нам нужны купцы ежедневно, если же вас это не устраивает, то вы вообще не годитесь для этого дела.

Другой пункт — это односторонность, которая также касается евреев. Гражданское общество предоставляет каждому индивидууму право войти в то сословие, в которое он хочет. Евреев обвиняют в том, что во многих странах они действуют только в одной хозяйственной отрасли, не занимаются ни сельским хозяйством, ни ремеслом, а только торговлей. Поскольку каждый может выбирать сословие, которое ему нравится, принудить их никем нельзя, однако, устанавливая этот принцип, общество исходит из того, что все в себе всеобще по своей манере, мнению и склонностям.

Эта одинаковая доступность всех сословий для индивидуума является определением гражданского общества.

К § 237

Гого, с. 698: Но эта всеобщность является случайной возможностью, и можно было бы, конечно, сказать: каждого следует втолкнуть туда и пусть он заботится о себе; если он окажется к этому пригодным, он сам сумеет себе помочь, если же он погибнет, то это его вина. Промысел кормит человека, как и сословие; но если какой-нибудь промысел процветает, туда устремляется множество индивидуумов. Однако потребность в товарах не безгранична, и если какая-нибудь отрасль переполнена производителями, то отдельные люди могут этого не понять, они устремляются туда и гибнут. Можно, конечно, в этом случае сказать: преизбыток станет очевидным, и тогда отдельные индивидуумы уйдут оттуда.

Однако они не могут так поступить, поскольку они обладают только такого рода умением, поскольку они вложили в данное дело свой капитал как в форме своих возможностей, так и в форме денег. Изменение происходит в результате того, что многие люди, работающие в

этой отрасли, погибают или влачат жалкое существование. Изменение происходит, следовательно, посредством разорения.

К § 241

Грисхайм, с. 605 след.: Это — важный момент, особенно в тех государствах, где существует развитое гражданское общество. Имущество общества, на котором основано удовлетворение потребностей, имеет в себе сторону случайности, особенно в отношении того, как им располагают индивидуумы. Отношение движения в себе самом, на котором основано имущество, создает крайности — богатство и бедность, т. е. возможность легко удовлетворять свои потребности для одних и невозможность удовлетворить их для других.

Состояние бедности не лишает человека потребностей, существующих в гражданском обществе, этих разносторонних потребностей, но отнимает возможность естественного приобретения; всем уже кто-то владеет, он не может ловить рыбу, охотиться, сорвать плод и т. д.

Гражданское общество разрывает узы семьи как рода, каждый самостоятелен, тем самым значение семейных уз приижается. При патриархальных отношениях семья не обладают такой самостоятельностью, они сохраняют родственные связи со всем родом; в гражданском обществе каждая семья самостоятельна, зависит только от самой себя, сама добывает средства своего существования. Свобода в этом аспекте является величайшим принципом гражданского общества.

Бедность лишает всех преимуществ общества. Бедняк не может обучить своих детей известным навыкам, дать им знания, он сам, быть может, выполнял только один элемент фабричной работы, которая больше не нужна, и эта односторонность мешает ему самому заняться чем-либо иным.

Бедняк легко оказывается вне правосудия, без затрат нельзя добиться восстановления своих прав, без денег невозможно вести процесс. Не может он также заботиться о своем здоровье: на врачей и лекарства нужны деньги. Существуют, правда, врачи и адвокаты для бедных, но здесь многое зависит от душевных качеств этих людей. Они могут быть благородны и стараться помочь, но могут и не быть таковыми.

Бедняк лишен даже утешения религии, он не может пойти в церковь в лохмотьях, нужно прилично одеться;

поэтому и ввели ранние проповеди и богослужения в будние дни. И наконец, следует сказать, что священники охотнее посещают богатые дома, чем бедные лачуги, когда надо утешить человека на смертном одре.

К § 243

Грисхайм, с. 608: Доход трудящихся классов становится все более случайным, заработка может быть временами очень большим, но затем вообще отсутствовать; это приводит к привычке полагаться на случай в удовлетворении своих потребностей.— Механическая работа способствует отуплению большого числа людей.

К § 244

Грисхайм, с. 609: Чем больше капитал, тем больше расширяются с его помощью предприятия и тем меньшей прибылью может удовлетвориться владелец капитала, а это в свою очередь увеличивает капитал. То же происходит и в земледелии. У римлян, например, земля в конечном счете оказалась сосредоточенной в руках немногих владельцев. При росте бедности капиталист находит много людей, согласных работать за ничтожное вознаграждение; тем самым его прибыль растет, а это ведет к тому, что те, кто владеет меньшим капиталом, пополняют ряды бедняков. (Вопрос лишь в том, как справиться с бедностью.)

К § 245

Грисхайм, с. 611: Нет страны, где бы столько производилось, как в Англии, страны, которая располагала бы таким рынком, и тем не менее ни в одной стране бедность и количество черни не достигли такой ужасающей степени, как в Англии. Налог в пользу бедных составляет сумму от 9 до 10 миллионов фунтов стерлингов, т. е. значительно больше, чем весь государственный доход Пруссии. В других странах такие учреждения и действие подобных состояний меньше по своему масштабу; в Англии все стороны получили громадное развитие.

Ответить на вопрос, как бороться с бедностью, очень трудно; именно избыток богатства приводит к тому, что гражданское общество оказывается слишком бедным для того, чтобы остановить избыточный рост черни. Пытались помочь, предоставляя обедневшим людям то, в чем они нуждаются, например, с помощью налога в пользу бедных.

Однако, поскольку в этом случае существование людей опосредовано не трудом, они теряют честь. Именно

это происходит в Англии. Люди обретают определенные притязания, трудолюбие становится излишним, они теряют почетное право обеспечивать свое существование собственным трудом, и в результате возникает полное бесстыдство.

Росту бедности способствуют также монастыри, потворствуя лени, поскольку они делают удовлетворение потребностей независимым от работы.

Второе средство заключается в том, что бедным дают работу — им предоставляют материал и скупают продукты их труда. Это представляется на первый взгляд самым подходящим, самым правильным средством, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что оно не только не устраниет бедность, но ведет к еще худшим последствиям. Увеличивается количество продуктов, а зло ведь и состоит в чрезмерном количестве продуктов и недостатке потребителей. Например, в какой-либо горной местности проживают 1200 семей ткачей, потребление уменьшается настолько, что 200 оказываются без работы; если предоставить им занятие, то все они произведут столько, сколько могут произвести 1200 ткачей, но потребляется при этом лишь столько, сколько могут произвести 1000, в результате чего 200 других семей окажутся без работы; вся разница будет заключаться в том, что одним двумстам оказана помощь за счет двухсот других, которые станут нищенствовать.

Развитие общества и богатство приводят к тому, что продукция растет; особенно гигантские размеры это принимает при введении машин; тогда рост продукции бесконечно превышает потребность потребления, и в конечном счете даже прилежный человек не может заработать себе на хлеб.

Наилучшим средством является предоставить бедняков их судьбе и примириться с тем, что они нищенствуют. При наличии благотворительных учреждений и т. п. люди не испытывают страха, делают то, на что они имеют право; не смущаясь, обращаются к начальству; напротив, нищенство внушает им робость, и большинство предпочитает работать, стремится пробиваться самостоятельно, вместо того чтобы прибегать к таким мерам.

К § 247

Грисхайм, с. 613: Для англичан и других цель мореходства заключается прежде всего в наживе, этот способ наживы требует храбрости, терпения, привычки сохранять

хладнокровие в минуту опасности. Отсюда и та храбрость, благодаря которой возник военный флот.

Нации континентальных стран, когда у них возникает и развивается промышленность и складывается привычка к роскоши, начинают стремиться к морю. Страна, в которой существует подобная промышленность, необходимо должна связать свою деятельность с морем; промышленность, которая не ведет к возникающей благодаря опасности уверенности в себе, не ведет к храбрости, остается коснеющей в себе.

К § 249

Грисхайм, с. 617: Эта точка зрения выводит нас за пределы рассудочного государства, охватывающего внешний порядок. Это регулирование не является последней формой, высшим способом; Фихте³¹ на этом остановился.

Он начинает, как и мы, со свободы индивидуумов, она должна обладать реальностью, должна быть обеспечена, но необходимо выходить за ее пределы как отдельной индивидуальности, сущность должна быть положена во внутреннюю глубину, в единство субъективного сознания, того, что положено понятием, которое ближайшим образом есть в себе. У Фихте дальнейшим следствием является отношение ограничения об юдной свободы; отношение друг против друга негативно; и это ограничение является, таким образом, внешним порядком, внутренняя сущность остается вне этого ограничения, в нем нет субъективной свободы. У Фихте государство в целом есть полиция, и он совершенно не философски подходит затем к специальным вопросам. Полиция обязана знать, что ежеминутно делает каждый гражданин, где он находится, но ведь за его внутренней жизнью наблюдать невозможно. Если кто-либо покупает нож, полиция должна знать, для чего он его купил, должна следовать за ним, чтобы он не убил кого-нибудь. Путешественник сразу же вызывает подозрение, паспорта, описания его примет недостаточно для его легитимизации, в паспорте должно находиться также его изображение.

Если так строить рассудочное государство, то можно дойти до частностей, которые сами в себе уничтожают себя. Над полицией следует также установить надзор и т. д., все это в своем развитии переходит в бесконечное продвижение. Всеобщее должно быть существенно не чем-то внешним, а внутренней, имманентной целью, деятельностью самих индивидуумов.

К § 250

Грисхайм, с. 618: Корпорация является тем выражением, которое вызывает всяческие понижения, особенно со стороны французов, так как во Франции со времен революции корпорации и привилегии особенно ненавистны. Община также является корпорацией, но в ней заключено и нечто большее.

К § 251

Грисхайм, с. 620: Обычное представление о государстве делает скачок от государства к отдельному гражданину; это происходит обычно и при представительстве, когда отдельные люди отдают свои голоса в качестве таковых или посредством выбора представителей. Здесь делается такой скачок от интересов, произвола отдельного человека к другой крайности, к участию во всеобщих интересах.

Между ними и находится то среднее, о котором идет речь. Говорят, что люди своекорыстны, но вместе с тем то, что они хотят действовать и на пользу всеобщего, не сводится к *bourgeois*, они хотят способствовать и благополучию всеобщего своим пониманием, своей волей. Такая деятельность на пользу всеобщего — нравственная, не просто предписанная, а проистекающая из собственного понимания, собственной воли деятельность дана гражданам государства в общине, в корпорации.

К § 254

Грисхайм, с. 624—626: То обстоятельство, что каждый член корпорации имеет право добывать своим умением средства к своему существованию, в абстрактном своем значении не вызывает сомнения, но непосредственно с этим связано следующее: индивидуум хочет совершать то, что он может, выбор предоставлен ему самому, зависит от его произвола, но, с другой стороны, индивидуум хочет не только совершать, что он может, но ставит перед собой существенную цель, чтобы тем самым ему было обеспечено его существование, именно это должно быть результатом его деятельности. Одно дело — его воля, другое — результат его деятельности, который состоит в том, чтобы цель была достигнута. Обычно останавливаются на формальной стороне, на желании действовать по своей воле, однако существенное составляет другая сторона, а именно чтобы была достигнута цель; и этому способствует корпорация.

Ни один человек не станет бросать вечером в воду продукты своего дневного труда, напротив, каждый пользуется ими для своей цели; результат — не работа, которая является лишь средством; а удовлетворение своих потребностей, обеспеченное существование. Человек заинтересован совсем не в том, чтобы делать, что он хочет, ему важно обеспечить свое существование. Принцип нашего времени гласит: *laisser aller, laisser faire*³². Каждый должен сам знать, что ему нужно, каждый сумеет достигнуть этого.

Это, собственно говоря, верно. Какая-нибудь отрасль производства процветает, многие бросаются туда, хороший сбыт продуктов вызывает большой приток производителей, число их настолько растет, что вскоре расчеты многих из них не оправдываются. С другой стороны, все само собой устраивается; но вопрос в том, как это происходит? Каким образом?

Заняться новым промыслом нелегко, в дело вложены умение, капитал, их значение может измениться, обрести новую профессию трудно, в известном возрасте человек вообще уже не способен перейти в новую отрасль производства, надежда, представление, что положение улучшится, что наступят более благоприятные обстоятельства, способствуют тому, что он не бросает свое дело. Сотни, тысячи погибают в этом процессе. И эпидемия чумы прекращается, всё вновь возвращается к прежнему, но сотни тысяч погибли; все они мертвы, таким образом, все опять вошло в колею. Если раньше преобладало стремление полиции, правительства приказывать, то теперь господствует любовь к покойю, желание ни во что не вмешиваться.

Это внешняя сторона, о нравственной мы уже говорили. Обеспечение существования снято принципом невмешательства, необходимость обеспечить семьи предоставлена воле случая.

Часто утверждают, что свобода производства ведет к расцвету торговли и к благополучию, указывая при этом на Англию; но сравнения, как правило, неубедительны, так как редко принимаются во внимание все обстоятельства. Англии весь мир служит рынком и сферой колонизации, в этом заключается ее особое положение. Конторы Англии разбросаны по всему свету, в одной только Южной Америке число их составляет несколько сот; жители Англии могут переселяться куда им заблагорассудится, повсюду они находят место и средства существования, англичан встречаем во всем мире. Поэтому утверждение, что торговля процветает и благополучие рас-

тет, может быть верно, но при наличии особых обстоятельств.

В чем же заключается расцвет торговли? В том, что много производится, что сбыт достаточно велик; но при этом еще не достигается обеспеченность существования семьи, одни получают большую выгоду, а в шесть раз больше погибает, при этом идет купля-продажа, оживленная торговля, но нет обеспеченности дохода. Индивидуумы приходят и уходят, ежеминутно сменяют друга друга на вершине благополучия, а затем сами вытесняются другими. Целью должны быть не абстрактная торговля и деятельность, а обеспеченность существования семьи посредством торговли. При таком расцвете благополучие семьи не является существенным моментом.

С. 626—627: Часто сетуют на монополию цехов. Но при свободе промышленной деятельности положение оказывается гораздо хуже. В Англии крупные капиталисты подавляют других, таким образом, вся отрасль производства оказывается в руках немногих; по закону они не обладают монополией, но обладают ею благодаря своему капиталу, а это наихудший вид монополии. Так, например, обстоит дело с пивоварением. В Англии нет цехов, но общий интерес объединяет людей одного положения, особенно в вопросе о ценах. Расценок не существует, но все те, кто занят в этой области, назначают цены по своему усмотрению, никто из них не действует самостоятельно. Надежда на лучший сбыт посредством снижения цен отступает перед пониманием опасных последствий такого обосновления и т. д. Так, именно благодаря свободе производства возникают монополии.

Дальнейшее состоит в том, что при свободе производства индивидуумы полностью зависят от случайности; ближайшим следствием колебания цен является то, что индивидуумы пользуются представляющимся им случаем, действуют соответственно ему, тем самым цены растут скорее, чем при наличии равномерного постоянного дохода. С этим связано и умонастроение людей; они становятся легкомысленны, все их помыслы направлены на минутные удовольствия. Роскошь промышленного сословия, стремление к удовольствиям связаны со случайностью дохода, случайно добывшее также случайно потребляется. С этим связано стремление к расточительству, к щегольству, к пышности.

В корпорации гражданин обретает свою честь, он признан; если дело обстоит не так, он вынужден искать

свое признание иным способом, создавать видимость богатства и т. д. В корпорации гражданин — мастер, человек чести и признается таковым, вне корпорации он не обладает признанием.

К § 255

Грисхайм, с. 628: Впрочем, корпорация может иметь и дурное воздействие, которое выражается в том, что особенное закостенеет, как это происходило, например, в старых имперских городах; тогда возникает дух провинциализма, цеховой дух может стать очень ограниченным и по своей настроенности, и в правовом отношении. Корпорация может в некоторых случаях представлять опасность и для государства в целом, что и происходило в истории Франции и Германии, когда целые корпорации объявляли себя свободными.

С. 629: Что же касается упрека в том, что многие люди, владеющие своим мастерством, оказываются вне корпорации, то может, конечно, случиться, что слишком многие занимаются каким-либо промыслом и не могут быть полностью включены в корпорацию; если это обоснованию, то наступает необходимость колонизации. Однако, как показывает пример Англии, такая ситуация складывается гораздо чаще там, где существует свобода промысла. Этот недостаток, приписываемый корпорации, который выражается в том, что существует слишком много людей, ищащих средств к существованию, присущ другому принципу в значительно большей степени и может стать действительно ужасным — это раковое заболевание Англии. Гражданское общество должно обеспечить множество нуждающихся, разоренных отцов семейства, многочисленную чернь, в противном случае они становятся для него угрозой.

К § 261

Гото, с. 720: Следовательно, государство как осуществление разума соответствует разумной воле каждого индивидуума. Человек разумен, но тем самым он еще не знает разумность.

К § 265

Гомайер, с. 329: Для того чтобы существовало свободное целое, необходимо: действительное самосознание в его особенности как бесконечность и свобода.— В этом заключен свободный государственный строй, гарантия по-

ложе́ния между правите́лем и наро́дом. Одно сословное предста́вительство этого не созда́ет, оно явля́ется лишь моментом осущес्�твленной свободы. <...>

Свобода инди́видуумов не должна быть че́м-то единичным, она должна быть выражена и представлена в корпора́циях. К институтам относятся: 1) свобода личности, 2) свобода собственности (французы бы́стро обрели ее благодаря революции — подтверждено в *Code Napoléon*³³), 3) публичное законодательство.

К § 268

Гри́схайм, с. 641: Доверие может принять форму национальной гордости, этого простого сознания, что я — пруссак, англичанин, простого сознания, что я — гражда́нин этого государства, что я есмь то, что есть государство, что государство есть мое бытие. В этом случае доверие имеет соверше́нно всеобщую форму, но это тождество может быть и более развитым пониманием.

С. 642 след.: Сколько бы люди ни рассуждали о своем времени, своем государстве, они полностью находятся в нем, это их почва, и, если устрани́ть ее, они окажутся в пустоте; тем самым они по существу испытывают большее доверие, чем полагают сами или полагают другие. Если бы вопрос встал серьезно, они бы еще задумались, а если бы дело дошло до уничтожения государства, то сами стали бы противодействовать этому, ибо они ведь дети своего времени, своего государства и, пребывая вне государства, они вынуждены были бы сами удовлетворять все свои потребности. Люди резонерствуют, многое ругают, они готовы выйти из себя, но это никому не дано, и они целиком остаются в себе. Если бы вопрос встал серьезно, они не вышли бы из повиновения и сочли бы, что узы, оковы действительно необходимы. Трудно определить, насколько для людей это резонерство, это порицание и недовольство серьезно; оно может зайти далеко, стать очень резким, но, насколько оно серьезно, люди и сами не знают. Порицание нуждается в предмете, существует много людей злосчастных (*unglückselig*), т. е. счастливых в несчастье (*im Unglück selig*), у них потребность быть несчастными; будучи счастливы, они недовольны и поэтому осуждают всякое благополучие.

К § 270

Гри́схайм, с. 648: Если благочестие замыкается таким образом в себе и религиозные люди отказываются выпол-

нять свои обязательства перед государством, объявляют это безбожным и т. д., то они не участвуют в жизни государства и ограничиваются гражданским обществом. Такие члены общества являются только *bourgeois*, а не *citoyens*; большие государства могут терпеть наличие подобных сект, меньшие нет, квакерское государство существовать не может.

Иногда приходится слышать: религиозные люди утверждают, что никто не должен воевать, ни один народ, и, если эта точка зрения была бы принята, войны исчезли бы сами собой; поскольку же этот взгляд еще не стал всеобщим, это убеждение, к сожалению, остается частичным. Война есть нечто бесправное само по себе, и только таким путем может быть устранено это бесправие и т. д. Однако поскольку государство действительно существует, оно должно иметь реальную возможность вести войну, поэтому обладать и необходимым для этого. Подобные секты можно лишь допускать, терпеть; они не имеют права существовать в государстве.

Грисхайм, с. 650: Это единство является важным моментом. Все католические государства, все романские народы — Франция, Испания, Португалия, Неаполь, Пьемонт, Ирландия — в течение 30 лет претерпевали революции; эти распри еще не затихли в католических государствах по сей день, революции завершились, но корень противоположности не устраниен. Напротив, в протестантских государствах религиозный принцип, принцип глубочайшей внутренней жизни, принцип действительного мира совпадают, и поэтому законы, учреждения, нравы и т. д. по своей природе вполне религиозны или не отличны от религии в своей сущности, они совершеннее, чем те, что существуют в католических государствах, в них больше истинной божественности.

Из замечаний на полях авторской рукописи следует (Гегель. Заметки, с. 489), что Гегель полемизировал «с непониманием религией сущности вопроса», в результате чего утверждается, что «для праведника нет закона».

К § 273

Грисхайм, с. 652 след.: Обычно прежде всего задают вопрос, какой строй является наилучшим. На это можно было бы дать множество ответов, самый общий такой: каждый строй хорош при условии, что в нем существует хорошее управление. Так высказываются люди, которые

хотят прослыть умными, но они лишь обходят вопрос, отодвигают его. По их словам, все государственные устройства хороши, нет среди них наилучшего; это не ответ; утверждается, что определения совершенно одинаковы, между ними нет разницы. Таким образом, государственный строй изображается сам по себе как некий внутренний способ, действен лишь характер администрации, которая приводится в действие индивидуумами. Однако эта деятельность заключена в особенной случайной воле индивидуумов, которым надлежит осуществлять управление и повиноваться. Тем самым сказано, что от разума в государственном устройстве следует отказаться, что не существует никакого существенного определения государственного строя, он зависит от случайности. О таком воззрении у нас здесь более не может идти речь; мы с самого начала стремились познать, что есть свобода в себе и для себя согласно ее понятию. Это — действенное, божественное, то, что само по себе обладает действенностью; дух сильнее индивидуумов, их характер, способность есть лишь орудие, посредством которого дух осуществляет свое свершение.

Этот ответ отстраняет разумное, поэтому это самый плохой ответ, который только можно дать; но наиболее поверхностное и пустое часто считается наиболее умным. Индивидуальность индивидуумов недостаточна, свобода должна осуществляться, содержание должно быть разумным, должно выступать как природа, как необходимость, а не зависеть от случайности характера.

Второй ответ гласит: лучшим является тот строй, которым довольны люди, ведь что же требуется еще, если люди счастливы, довольны?

Удовлетворенность людей, правда, должна присутствовать в хорошем государственном строе, это существенный момент, если государственный строй хороший, то и люди довольны, но это не есть определяющий момент. При внимательном рассмотрении оказывается, что этот ответ едва ли не хуже предыдущего.

Удовлетворенность вообще не содержит объективного определения, человек может удовлетвориться наихудшим, свиньи довольны, пребывая в грязи, и люди были довольны, находясь в самом низком, позорном состоянии, как, например, индузы, погрязшие в глубоком позорном суеверии.

Часто советуют обратиться к религии, чтобы быть довольным, набожный человек легко испытывает удовлетворение.

ворение, так как ничто мирское не должно его волновать, особенно если набожность трактуется таким образом, что все полагается в позитивный авторитет, в то, как все определяется извне для человека, для духа. С. 655: В наше время под государственным строем часто понимают сословное представительство, и оно настолько вошло в понятие государственного строя, что само определение «государственный строй» имеет это значение даже в публичных обсуждениях. Сословное представительство является моментом государственного строя, но только моментом; вся организация есть государственный строй, и тем самым упомянутое значение ложно. Каждое государство обладает определенным строем, даже не имея сословного представительства; оно обладает им, и этот строй может быть более или менее явно выражен. Наилучшее государственное устройство — разумное, разумно же то, что определено природой понятия, это есть душа духа, его глубина, абсолютность, субстанциальность. В этом случае только понятие определяет различия таким образом, что они суть целостности, подобно тому как каждый внутренний орган имеет в себе целостность, и каждый вновь порождает эту целостность, эту жизнь. Главное состоит в том, чтобы государственное устройство было разумно, чтобы свобода осуществлялась согласно своему понятию. Обычно заранее исходят из различных определений — государственный строй должен защищать свободу, служить препятствием произволу, способствовать благу целого, счастью, довольству людей. От всех этих соображений следует освободиться, заботиться надо только о разумности, т. е. о том, что проистекает из понятия, тогда все остальное приложится — направьте помыслы ваши на царство божие, тогда все остальное придет само собой, все эти второстепенные цели будут достигнуты попутно.

Грисхайм, с. 657: В один из периодов Французской революции добродетель была возведена в принцип, не должно было быть ничего, кроме добродетели. Это время и принцип Робеспьера, страшное время. Однако тогда добродетель требовала еще и враждебного отношения против недобродетельного, а поскольку в новое время каждый индивидуум имеет право быть настроенным так или иначе, то добродетель была вынуждена бороться с недобродетельным, поскольку оно еще существовало. Монтескье исходил только из добродетели, здесь же ей противостояло нечто другое, допустить которое она не могла, и поэтому к принципу добродетели пришлось присоединить принцип

ужаса. В основе того, что люди пришли к подобным принципам, лежит нечто очень глубокое. К каким последствиям привел этот ужас, известно из истории, добротель стала страшной потому, что она должна была стать убеждением современного народа, в котором одновременно имелась самостоятельность субъективной свободы.

Грисхайм, с. 658: Этот вопрос не предполагает существование народа, политического устройства, не предполагает даже наличия патриархальных отношений, речь идет просто о толпе, а как она обретет государственное устройство, это ее дело, а не дело философии.

Основное представление, которое лежит в основе этого вопроса, заключается в том, что государственное устройство может быть создано, а не предстает всегда ужеенным. Там, где есть нечто такое, что может быть названо государством, государственный строй всегда уже существует; кочевники, народы, обеспечивающие свое существование только рыбным промыслом, еще не имеют государства, но у народа, у которого развито право, который достиг известного уровня развития, всегда существует государственное устройство. Далее полагают следующее: государственный строй, правда, существует, но люди хотят создать иной; тогда возникает вопрос: кто же его создаст? Прежний надлежит уничтожить. Если это осуществляется, возникает анархия, законы теряют свою силу, правительства нет, тогда опять есть только толпа; тот, в чьих руках власть, имеет ее случайно; это состояние бесправия, отсутствия какого-либо государственного устройства, и правление захватывается силой. Именно это и произошло во Французской революции и во всех других революциях, когда правительство было настолько слабо, что не могло удержать бразды правления в своих руках. Решила сила, и это — единственный принцип, который здесь действовал.

Что же касается представления, будто государственное устройство может быть создано, то это невозможно, разве что народ сумел бы перестать быть самим собой. С. 659: Государственный строй есть дух народа и вступает таковым в сознание, осознает сам себя, это — история, относится к истории и составляет внешний способ того, как духовное перемещается в действительность, во внешнее. Причем происходить это могло самым различным способом: король мог дать законы, знать могла завоевать свои права или народ сумел добиться известных прав, будь то на основе добровольного согласия или посредством

различных видов насилия; сложилось разумное понимание, в одном случае этого достигло одно особенное тело в государстве, в другом — иное и т. д.

В новое время распространилось представление, что государственное устройство может быть создано, и мы действительно видели, как на основе абстрактных идей создавался государственный строй, но так называемые либералы, создававшие государственный строй на основе абстрактных принципов, повсюду — во Франции, в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте, Ирландии и т. д. — кончили банкротством.

Государственный строй может быть только результатом всего предшествующего развития, никто не стоит вне своего времени; принципы и т. п. всегда являются результатом данного времени, а либералы остановились в своем мышлении на абстракции, в противном случае они не пришли бы к заключению, что государственный строй может быть создан. Абстракция бессильна, не истинна в самой себе, истинное в самом себе есть полностью практическое; названные абстрактные принципы могут быть существенны не только как моменты, истинное же есть не особенный момент, а целостность всех моментов, моменты обретают в нем свое право, но и свое подчинение, свое место. Создание есть здесь врастание духа в действительность, и это есть то прогрессивное, что совершается в истории. Поскольку людям противопоставлен Бог, государственное устройство создает Бог, а не они, они создают лишь одну сторону, один момент, небольшую часть целого.

Государственное устройство вообще, во всяком случае на Западе, где существует субъективная свобода, не останавливается на одной стадии, оно все время изменяется, революционизируется, развивается. Для того чтобы это понять, достаточно проследить развитие сознания за последние 50 лет, в соответствии с которым сформировались все учреждения и условия жизни. Сознание, правда, опережает действительность, но она не может утвердиться, есть лишь пустое существование, если она в качестве внешнего не тождественна духу. Оно — только мир духа, когда дух его покидает, оно теряет опору.

Гомайер, с. 331: Конституционная монархия — идея разумности, история (и опыт) становится понятна только в том случае, если привносится идея; ее нельзя извлечь из истории, познать, исходя из пестрой поверхности, если уже заранее не привносят в нее простое, всеобщее. История и опыт учат нас только тому, что ни один народ

ничему благодаря этому не научился. Каждый народ имеет свою историю, выявляет свой дух, то и другое свойственно ему, а не другому народу.

К § 274

Грисхайм, с. 663: Каждый народ имеет свое собственное государственное устройство, английское является государственным устройством англичан, и, если бы захотели дать его пруссакам, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государственное устройство туркам. Каждое государственное устройство есть только продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития сознания его духа. Это развитие необходимо требует поступательного движения, в котором ни одна ступень не может быть пропущена, нельзя опережать время, время всегда присутствует. Все, мышление, философия и т. д., находится во времени.

К § 279

Гомайер, с. 332: Отличительный признак государя в том, что в нем как в индивидууме получает свое завершение (свою вершину) государство. Простое окончательное решение составляет власть государя, об объективном решении сообразно основаниям еще нет речи (правитель ставит свое имя, непосредственная последняя определенность), у древних народов, например в греческих государствах, последнее решение принималось в зависимости от указания богов (ауспиции, авгуры), гадания на картах. Часто все дело в том, чтобы решение было принято — независимо от того как.

Грисхайм, с. 670: Конституционная монархия есть разумное государственное устройство, она конституционна, т. е. организована в себе.

С. 673: Существенное состоит в том, что государство есть современное государство, т. е. государство, в котором все моменты, относящиеся к идеи свободы, развиты и каждый момент обладает своим обособленным существованием. Эта свобода, которую должен обрести каждый из моментов, составляет высокую культуру современности. Во всех государствах — в аристократии, демократии, в патриархальном государстве — содержится это «я хочу», но не в своей свободной личности, последняя существует только в монархии, и все дело в том, чтобы она существовала.

С. 675: Народ — это общее выражение, заключающее в себя все, но под этим выражением охотно понимают толпу, различную от монарха, от правительства, эти обе стороны противопоставляют друг другу и, смешивая значения, утверждают, что суверенитет принадлежит народу.

Можно называть государство и народом, но часто суверенитет приписывают народу, противопоставляя его правительству, его органическим моментам. Опасность состоит в том, что народ рассматривают как толпу для себя, а затем применяют к нему это определение. Народ как таковой просто скопление людей, он должен существенно стать государством, тогда имеется в наличии правительство, и возникает вопрос: каковы определения правительства? В том, чтобы так много разглагольствовать о народе и приписывать определения народа в качестве государства народу в качестве толпы, противопоставляя его правительству, заключено нечто зловредное. Народ имеет права, абсолютное право народа есть его абсолютная обязанность быть организованным в себе, составлять государство; это — абсолютная необходимость, но народ, как уже было сказано, часто и охотно отлучают от этой необходимости.

Так, свобода, равенство — существенные определения народа, народ должен быть свободен; но в качестве абстракции, в понимании, согласно которому народ не должен быть органичным, это неверно; в этом и заключена опасность абстракции, которая, обретя силу, становится фанатичной, разрушающей, что особенно познали французы. Народ сразу же обособлялся в революции от всего органического, как только оно формировалось; масса определялась как суверен, и каждое учреждение, начальство сразу же рассматривалось как различенное от него, противоречащее, противоположное суверенитету массы, ибо она неорганична.

Когда говорят о народе, это по существу только государство, это главное, разумное, народ без государства не заслуживает уважения, он является собой просто неорганическую массу, а вопрос заключается только в том, как расчленено органическое.

К § 280

Грисхайм, с. 678: Каждый думает, что он также мог бы быть королем; каждый — так называются многочисленные индивидуальные атомы; следовательно, быть королем не

представляет собой ничего особенного, но именно потому, что на это способны все, важно, чтобы им были бы не все, а один. Именно потому, что это так, один должен быть предназначен к этому природой. Каждый может воплощать собой последнее решение, поэтому один должен быть без особых оснований просто предназначен для этого, дабы многие были исключены; поскольку в государстве есть только один, должен быть только один. Следовательно, именно это обстоятельство создает необходимость, чтобы все, «каждые», которые могли бы быть королем, были исключены.

К § 284

Грисхайм, с. 685 след.: Обсуждение оснований, решение из оснований, при котором принимается во внимание содержание дела, существует особо и, находясь во власти государя, есть министерство.

Монарх выносит решение, в нем заключено простое «я хочу», но для этого он должен знать содержание дела, законы, все это должно быть донесено до него, эта процедура должна быть организована, и такая организация и есть министерство. Таким образом, мы видим, что применительно к особенному содержанию монарх весьма зависит, он знает дело не сам, а может вынести решение только по представлению, данному ему о положении вещей, о законах, которые следует принять во внимание; исходя из этого представления, он выносит решение. Все это индивидуум не может почерпнуть из себя.

В период Французской революции случалось, что парламент заявлял королю, будто он не доверяет своим министрам и должен избрать других. На первый взгляд это представляется невинным, действительно, парламент может судить о действиях министров, и подчас даже лучше, чем сам монарх. Однако одно дело, когда такое собрание объявляет, что оно не доверяет министрам, и совсем другое, если оно обвиняет министров.

В Англии министры должны обладать доверием парламента, большинством, в противном случае они не могут провести ни одного решения.

В вопросе доверия ссылаются на субъективное мнение, но оно должно принадлежать монарху. В высказывании монарха, что министры не обладают доверием, заключается обвинение в государственной измене, это только субъективное мнение, и право на него имеет только монарх.

Другое дело — ответственность, ее несут министры; ответственны лишь они, не монарх; такая ответственность может иметь место только в отношении содержания.

К § 285

Гото, с. 772: Следовательно, власть государя — это не голый произвол; напротив, решение в соответствии с объективной стороной, т. е. в соответствии с конституцией, в соответствии с законами, есть то, что принадлежит монарху.

К § 286

Гото, с. 773: Часто стремятся защитить одну власть от другой; ибо рассудок опасается того, что одна власть враждебна по отношению к другой, и считает необходимым соорудить в качестве обороны валы, чтобы таким образом защититься от нее. Однако не следует исходить из этой точки зрения взаимной ненависти; напротив, гарантией каждой сферы является именно существование и прочность другой, так же как здоровье сердца зависит от здоровья других органов.

К § 295

Гомайер, с. 334: Все важные дела следует передавать на рассмотрение коллегиальных ведомств.— Они гарантируют свободу граждан в их делах. Произвол докладчика устраниется уже одним тем, что он докладывает всей коллегии.

Грисхайм, с. 693: Контроль сверху сам по себе очень несовершенен. Чиновники в первую очередь склонны к произволу, найти защиту от вмешательства высшего начальства нетрудно; препятствием этому произволу служат лишь права корпораций. Привлечь чиновников к ответственности, наказать их очень трудно, так как интересы судей в общем совпадают с их интересами. Народ в целом совершенно уверен, что все притеснения исходят от чиновников. Если бы государь только знал, все было бы по-иному, но до него невозможно добраться — так гласит общая жалоба.

К § 298

Грисхайм, с. 697: Существует множество представлений о новых учреждениях, конституциях и т. д. Во-первых, как мы уже указывали, здесь важно не то, что отдельные умы считают правом, а только то, что в самом сознании

возникает в противовес сознанию в народе. Нет народа, который не имел бы того государственного строя, которого он заслуживает, каждый народ складывается как результат своей истории и может создать только то, что уже является ее результатом. Так, например, в последнее время большой интерес вызывает сословное представительство; существенное было всегда, в древнейшие времена германских народов.

Внедрение нового приводит к разрушению, преобразование формы идет постепенно, само собой. Государственное устройство жизненно, поэтому деятельно, но живое создает только то, что уже есть, живое всегда продуктивно, создает оно лишь то, что уже исконно существовало. Это сохранение является не длящимся пребыванием, а живой деятельностью, создающей то, что уже существует; таким образом, существует только живое, духовное; камни пребывают неизменно, живое должно все время создаваться. Законодательная власть является тем самым жизненностью, в которую могут быть затем привнесены особенные учреждения.

К § 300

Грисхайм, с. 704 след.: Эмпирические наблюдения показывают нужное нам в этом вопросе на примере Французской революции. Так, Национальное собрание было вначале независимым от короля и министров, затем независимыми друг от друга были Директория и Corps législatif³⁴; при таком соотношении двух властей всегда случалось, что та или иная получала преимущество и путем насилия подавляла другую, становилась во главе государства и восстанавливала его единство.

Какие бы присяги ни приносились конституции, это не помогает, все дело в природе вещей, в абсолютной необходимости, идет ли речь о преступлении против конституции или о чем-либо ином, ничего не меняет, государство должно быть единым.

Во Франции король имел право *veto*, пустого, сухого *veto*, и сразу же Национальное собрание, которое обладало могуществом, хотя должно было быть только законодательным органом, превратилось в центр государства. Комитет общественного спасения также подчинил себе Конвент; таким образом, сначала законодательная власть стала правительственный властью, а потом произошло обратное — Директория подчилила себе законодательную власть.

Это необходимый результат, государство должно быть единым, представление, будто в нем можно координировать деятельность высшей власти, ложно.

К § 301

Грисхайм, с. 705 след.: Часто утверждают, что собрание сословных представителей необходимо, так как народ лучше всех знает, в чем заключается его благо, в чем заключается благо государства, ведь это дело каждого, и каждый знает это лучше всего. Таково первое представление; второе состоит в том, что народу необходимым образом присуще и наибольшее желание осуществить требуемое, ибо никто не относится к другому лучше, чем к самому себе.

Первое представление совершенно неверно, то же можно сказать и о втором. Неверно, что народ знает, что для него наилучшее, или хочет этого. Человек, индивидуум редко знает, чего он действительно хочет; для того чтобы знать, что человек, что разумная воля хочет, нужно глубочайшее понимание, понимание, которое не свойственно народу как таковому; народ обладает лишь чувством этого, и, когда людям что-то говорят, все сразу соглашаются.

Великие люди истории делают то, что все хотят делать, высказывают то, что все полагают, в этом их величие. Такое согласие, такое смутное чувство потребности есть нечто совсем иное, чем способность своевременно довести до своего сознания то, чему пришло время.

Очень редко люди, даже образованные индивидуумы, понимают сами себя, большинство переходит от мнения к мнению и редко понимает, чего оно хочет. Высшее, что можно сказать о человеке,— это: он знает, он хочет; обычно он полагает, что хочет чего-то, но за этим кроется еще многое другое помимо того, что он хочет, и, если все это сталкивается и ему надлежит пожертвовать всем ради того, что он хочет, тогда становится очевидным, в какой мере он этого хотел и продолжает хотеть.

К § 302

Грисхайм, с. 707: Представители сословий должны обладать государственным мышлением, должны вообще быть государственными людьми, не привносить в свою деятельность ограниченность, суетность и т. д. Оппозиция сословий оправдана, если она сводится к партийной борьбе. В Англии основной интерес оппозиции направлен против этого министерства; это правильная роль оппози-

ции, она свидетельствует о том, что оппозиция, так же как другая часть сословного представительства, едина в своем отношении к государственным принципам.

Напротив, во Франции оппозицию в целом составляет само сословное представительство, и если мнения о принципах государственного устройства различны, то государство оказывается в опасности. Если оппозиция состоит из республиканцев, то она не разделяет принципов правительства и, взяв верх, свергает существующий государственный строй. Напротив, если берет верх оппозиция, названная здесь первой, например оппозиция в Англии, то следствием является лишь смена министерства и утверждение новых максим, касающихся специальных обстоятельств.

К § 303

Грисхайм, с. 709: Частное сословие разделено, следовательно, на две части: на сословие, которое извлекает средства к существованию из землевладения, и на сословие, которое обретает их посредством труда в гражданском обществе.

Гого, с. 802 след.: Политические сословия и сословия гражданского общества должны находиться во взаимодействии. Так же как граждане конституированы в гражданском обществе, они должны выступать и в политическом мире.

Наихудшее представление о характере сословных представительств состоит в том, что они должны быть избираемы единичными людьми. Ведь «многие» являются бесформенной массой, а то, что выступает в государстве, должно быть организовано. Политические сословия занимают прочное положение в государстве только в качестве членов уже самих по себе прочных организаций, таких, как корпорации и сообщества.

К § 304

Грисхайм, с. 710 след.: Это относится к вопросу, должно ли собрание сословных представителей состоять из одной или из двух палат. Часто принимали решение в пользу однопалатной системы, поскольку одна палата якобы лучше выполняет свое предназначение воплощать собой демократический элемент общественного устройства. Оставляя это в стороне, совершенно очевидно, что здесь проявляется нечто противное разуму, крайности противостоят друг другу без среднего термина и поэтому легко

оказываются во враждебном отношении друг к другу. Перед лицом такой опасности должны исчезнуть все остальные соображения вреда, пользы и т. д.

Недостатки однопалатной системы легко становятся очевидны, если вспомнить, как происходит обсуждение в большом собрании, вспомнить о попытках импонировать своими выступлениями, о быстрых, непродуманных решениях и т. п. Нигде не принимается столько необдуманных, дурных, несправедливых решений, как в собрании представителей, состоящем из одной палаты. Хорошие следствия может иметь лишь то, что соответствует понятию, оно в себе и для себя необходимо. <...>

Правительственная власть является уже звеном, которое власть государя направляет в сферу особенного, ее члены, сами граждане, принадлежат народу, если уж называть так другой крайний термин.

Чиновников, стоящих на стороне правительства, называли слугами государя, относились к ним как к людям без совести, права, просто как к слугам; это совершенно неверное представление, в качестве чиновников они обладают образованием на уровне своего времени в отношении того, что является правом, что разумно.

К § 305

Грисхайм, с. 712: Есть два сословия: одно — основанное на нравственности семьи, а в отношении существования — на землевладении; это, с одной стороны, мелкий собственник, крестьянское сословие, с другой — знать, крупный землевладелец, который к тому же обладает привилегиями, и о нем пойдет речь.

С. 713: Здесь речь пойдет не о феодальной знати, которая обладала особыми правами на свою собственность; та, которую мы имеем здесь в виду, совсем другого рода, ее можно называть и не называть знатью, это значения не имеет. Это сословие должно быть независимым, *vis à vis*⁴⁰ власти государя, а также толпе, независимым от милости как правительства, так и толпы, и эта независимость существует преимущественно в сфере крупного землевладения.

К § 307

Гото, с. 810: В Англии главную опору правительства составляют преимущественно пэры. Они занимают положение между королем и народом; это и есть важное положение знати, и необходимо, чтобы было известное число таких самостоятельных индивидуумов.

К § 308

Грисхайм, с. 715 след.: Что касается внешней стороны сказанного о депутатах, то противоположный принцип заключается в том, что все индивидуумы государства в качестве единичных должны выражать свое субъективное согласие с действием законодательной власти, чтобы закон был для них действительно обязательным. Внешним образом это оказалось неприемлемым уже потому, что такое требование невыполнимо. Женщин исключили; между тем если речь идет о единичных людях, обладающих свободной волей, то женщины также имеют это право, они являются индивидуумами, людьми, обладающими свободной волей. Если принять эту категорию, то они также имеют это право, между тем их все-таки исключили.

С. 717: Единичные в качестве единичных не имеют почвы, они не органичны. Единичным в качестве таковых может скоро надоест собираться.

Это прежде всего обнаруживается во Французской революции. Всеобщая подача голосов там ни разу по-настоящему не состоялась, являлись только якобинцы, они овладевали подачей голосов в интересах своей партии и, руководствуясь всевозможными страстями частного характера, проявляли насилие, буйство, вызывали подозрения и отравили остальным всякое желание присутствовать при голосовании, вследствие чего то, что должно было быть результатом всеобщей подачи голосов, в действительности оказалось лишь продуктом деятельности клики, которая не только не выражала общего мнения, но скорее выражала обратное.

К § 311

Грисхайм, с. 718: В Пруссии, где депутаты избираются согласно положению об общинах, являются всегда только немногие избиратели. Между тем принцип осуществляется лишь тогда, когда присутствуют все.

Преодолеть это равнодушие невозможно, каждому представляется, что его отдельный голос не имеет значения; только там, где выступают партии, голос становится важным, тогда сразу появляется общая цель, которая конституирована как партия, а вместе с этим и рвение.

К § 315

Гого, с. 818 след.: Если собрания носят публичный характер, это склоняет индивидуумов к тому, чтобы заниматься публичными делами. Ибо этот интерес погло-

щает все остальные, в результате чего более скромные интересы легко отодвигаются на второй план, так как они требуют скорее ухода из сферы этой внешней деятельности. Следовательно, интерес к политике часто препятствует возникновению идеальных теоретических интересов, изгоняемых шумом практической жизни.

К § 317

Грисхайм, с. 726: Обычно представляют себе, что в древности священнослужители ложью и т. п. склоняли народ к нужным им действиям. Однако религия не есть нечто сделанное, в ней содержится наиболее свойственное данному народу сознание о себе самом, о своей сущности.

Народ может быть обманут только в понимании событий, поступков, переговоров и т. д., особенно изобретательны в этом политики в пивных; каждый судит по-иному, каждый считает себя умнее своего соседа. Здесь обман возможен и дозволен, и больше всего люди обманывают здесь сами себя рассудительностью своей рефлексии. Страшный рок — человек исходит из прочных оснований, полнейшей уверенности в своих доводах и т. д. и все-таки совершает глупейшие поступки.

К § 319

Грисхайм, с. 727 след.: С речью обращаются к миру представлений, средством для этого служит слово. Само по себе слово слабо, не более чем движение воздуха или листка бумаги. Только от речи зависит, достигнет ли она воздействия на представление других или нет. Здесь, следовательно, выступает коллизия, состоящая в том, что речь есть высказывание, где все дело в том, действительно ли оно или нет, а это зависит от других. Оказываемое воздействие касается сначала лишь их представления, но это — осознанное представление, которое управляет волением.

Сначала имеют дело только с представлениями, но именно они оказывают воздействие, и тогда возникает коллизия: с одной стороны, говорят, что сказанное действует только на представление, а это ведь только представления, а не действительность, с другой — этот мир представлений есть основа действительности. В сфере индивидуального бытует точка зрения, что, например ругая кого-нибудь, я задеваю лишь его представление о себе, воздействую лишь на его представление; однако я дей-

ствую и на представление о нем других, люди представляют себе, что я обладаю только таким представлением о данном лице; в приступе аффекта это действие незначительно, но вместе с тем задетой оказывается честь другого лица, то, каким он хочет, чтобы представляли его себе другие, как он хочет, чтобы о нем говорили.

Словесные оскорблении — не более чем слова, и они оказывают действие лишь посредством представления, и тем не менее им придают такое значение. Так же обстоит дело в политике. У меня есть свое мнение, я хочу только высказать его, дело других, хотят ли они разделить его, однако быть того же мнения, что и я, есть их деяние. Другая сторона заключается в том, что на представлениях основывается действительное состояние, государственный строй; таким образом, говорить означает не просто говорить, но и действовать; если я обращаюсь к представлению, а оно создает действительность, то тем самым я со-действую сохранению или разрушению.

С. 729: Грязные картины и описания запрещены с полным основанием, запрещено также высказывать свое мнение о монархе. Здесь невозможно установить границу, так, например, никто не захочет призывать к бунту и мятежу. Крайности усмотреть легко, ибо представление есть то, на чем действительность теперь существенно основана, у примитивных народов это — нравы, у нас в меньшей степени.

Опасность от свободы прессы в наибольшей степени предотвращается не тем, что ее глубоко почитают, а тем, что написанное в ней полностью презирают. Английские министры разрешают говорить о себе все, что заблагорас-судится, и относятся к этому с полным презрением. Своего рода действие Немезиды в том, что чернь должна находить удовлетворение в насмешках над высочайшим, возвышеннейшим; для нее единственный способ проявить свою субъективную свободу заключается в ругани, в высказывании против него.

К § 322

Грисхайм, с. 732: Государство есть существенно в качестве для себя бытия, и это составляет независимость государства, народа, формирующего государство. Высшая честь для народа состоит в том, чтобы создать государство и быть тем самым независимым. Однако сама по себе эта независимость очень относительна. Маленькие государства могут быть объединены в большое; если это

большее государство, которое создано из них, хорошо организовано, то они от этого существенно выигрывают и ничего не теряют, разве только ту независимость, ту самостоятельность, которая была достоянием меньших сфер.

К § 323

Гомайер, с. 323: Самосознание народов состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах. Для этого они должны доказать, что являются собой самостоятельные народы. Дух выступает только в реакции.— Абстрактная борьба за свободу — у дикарей это стремление состоит в том, чтобы доказать наличие свободы и самостоятельности только посредством войны.

К § 324

Гото, с. 835: Европейское равновесие было молчаливым соглашением государств по вопросу, как им сохраниться. Теперь этот принцип формально высказан Священным союзом. Это объединение должно решать, в чем состоит право, и служить основой для сохранения государств такими, как они есть. Другое дело, однако, что те, кто состоят в этом союзе, могут, будучи суверенами, с таким же успехом выйти из него, так что этот союз сам остается единствованием, и каждый имеет право, если он чувствует себя достаточно сильным, выйти из него. Предполагается, что суверенные государства образуют союз и признают его своим судьей. Но быть суверенным означает никого не признавать над собой судьей, кроме самого себя, и тем самым в этом союзе заключено внутреннее противоречие.

К § 331

Гото, с. 834: В новое время в большей степени утвердилась абстракция предоставлять государству действовать и не вмешиваться в его внутренние дела. По отношению к Испании это не было принято во внимание, по отношению к Турции следовало бы сделать то же самое.

К § 334

Грисхайм, с. 741 след.: В каждом мирном договоре стороны подписывают решение о вечном мире, и при каждом объявлении войны мы слышим, что другая сторона нарушила договор, и тогда опосредствование становится невозможным. Справедливая ли это или несправедливая

война, *in abstracto* решить невозможно, она может быть в большей или меньшей степени той или иной, но справедливой или несправедливой ее делает не только формальное нарушение договора.

Государства независимы, они суть наивысшее в мире, им надлежит заботиться о себе, поэтому формальная сторона не является главной, и даже без нарушения ее другой стороной война может быть для данного государства справедливой. Фридрих II начинал войны, нельзя сказать, чтобы договоры нарушались, но это тем не менее были справедливые войны. Здесь соотносятся друг с другом представления; если смысл предписан, мне надлежит делать то, что требуется для меня, и не ждать взрыва.

К § 341

Грисхайм, с. 745—747: Мировая история представляет собой царство мирового духа. Здесь мы можем лишь кратко указать главные моменты, которые важны; для более подробного изложения я вынужден отослать к лекции, особо посвященной этому предмету³⁵.

Сначала мы имели дух как реализующую себя свободу, тогда дух есть существенно сознание того, что он имеет себя предметом, поэтому животное не есть дух, оно имеет себя предметом только посредством ощущения, оно удовлетворяет свою целостность в роде. Дух есть сознание, имеет себя не только в ощущении, он есть как объект, предмет, есть предмет для себя. Человек, познай самого себя! Это — абсолютная заповедь сделать себя предметным, т. е. миром свободы. В природе мы познаем только очертания духа, окаменевшие в его логической природе, дух как дух строит себе другую природу, мир свободы, это есть государство. В этом высшая реализация духа, развитие духа.

Совершенное государство есть мир свободы, таким образом, в нем развиты все моменты идеи, каждый обретает свое право и одновременно есть момент системы в целом, и таким образом выступает целостность идеи в ее действительности. Свобода есть простая душа, всем членам которой присуща одна и та же жизненность, но в рамках системы. Дух есть только как система, поэтому все определения его развития различны и тем самым суть различные свободы. Свобода есть всеобщее, но неопределенное, поэтому она должна быть познана в ее определениях, их она извлекает только из самой себя, она дает себе

из самой себя содержание, уплотняет себя, делает себя конкретной, наполненной.

Государство есть эта действительность свободы, в ней нет других определений, кроме тех, которые ей имманентны, и так дух в качестве предмета самому себе примирен с собой; он един с собой другим, этот другой есть он как предмет. Если его предмет таков, так сформирован, что он соответствует ему, то налична истина; противоречие между ним и его предметностью, его загадка разрешена, он знает, что он есть, имея себя предметом. Завершение состоит в том, что он вывернул свою глубочайшую внутреннюю сущность, что выступили глубины его глубин, что он есть предмет, дух в его абсолютной свободе, без каких бы то ни было природных определений, без какого бы то ни было неразрешенного определения, черпая все определения из себя самого, из своей свободы.

Пенаты, народы суть первый дух в качестве естественной нравственности, народы различны по отношению друг к другу, обособлены, погружены в частности. Дух совершенно всеобщ, это мировой дух осуществляет себя в мировой истории, он являет себя в ней, показывает себя как свой сын, показывает, что в его предметности выражена вся его сущность, что он его любит, ибо в этом он у самого себя. Он осуществляет себя в мировой истории в действительности, знает себя; эта форма и есть дело философии.

Люди в целом удовлетворяются дурным, то, что их дух свидетельствует о действительности, является вообще умортворением, но многое остается при этом недостаточным, нерешенным. Наука есть само целостное примирение. Мировая история есть это примирение с самой собой, так что вне ее нет ничего, что не было бы в ней, что она как полная целостность предметна. Это существенно (§ 343) и есть в целом прогресс. Дух есть в том, чтобы отчуждаться и сделать это отчуждение внутренним. Поскольку оно происходит на почве внеположенности, оно попадает во время. Поскольку дух различает себя, он различен в самом себе, есть предметность его чистого множества, это — субъективности, многие индивидуумы, в субъектах он обретает почву своей реализации. <...>

Сделать свободу предметной означает дать себе внешний образ во времени и в пространстве, это и также дальнейшее развитие есть то, что формирует затем различные государства, народы. Каждый народ — тем самым особенная ступень сознания духа. Дух есть история, и каждый

народ воплощает в себе особенную ступень, которой достигло его сознание. Эти ступени, поскольку они относятся к внешним, суть в этом аспекте по своему принципу внешние принципы.

К § 348

Грисхайм, с. 748: Ни один народ не может обойтись без таких индивидуумов, он порождает их, как только они становятся ему нужны. Часто приходится слышать: если бы он, тот человек, жил тогда, в то время, все было бы по-другому и т. д. Однако там, где индивидуум нужен, там он и есть, народ, время создают себе своих индивидуумов.

Индивидуумы суть полая форма деятельности, субстанция, содержание заключено в мире, это — дух их времени, они — лишь формальная сторона понимания, характера и т. д. Формальна и слава, благодарности эти индивиды не видят, напротив, их проклинают, называют захватчиками, тиранами, проявляют к ним ненависть, несправедливость, зависть и т. д.

К § 358

Грисхайм, с. 751 след.: Абсолютная всеобщность должна быть осуществлена, стать конкретной, наполниться идеей абсолютной свободы, свободного духа, а он имеет своей противоположностью, своей субъективностью не абстрактную глубину, а субъективный дух. Поскольку конкретный дух есть предмет, цель, ему надлежит дать себе предметность, сделать ее действительностью, целостностью мира.

Это — государство, в нем субъективный дух обретает свое умиротворение, в нем он полностью достигает своего полного глубочайшего созерцания, получает сознание того, что он противопоставлен себе в качестве внешнего мира, чьи определения суть не что иное, как его собственные определения. Тем самым он примирен с собой.

Для того чтобы примирение стало для себя, необходимо понимание, которое дает только мышление, и тем самым целью этой лекции было познать, какое содержание должен иметь дух, когда он объективирует себя, каково должно быть содержание теперь наличного действительного нравственного мира.